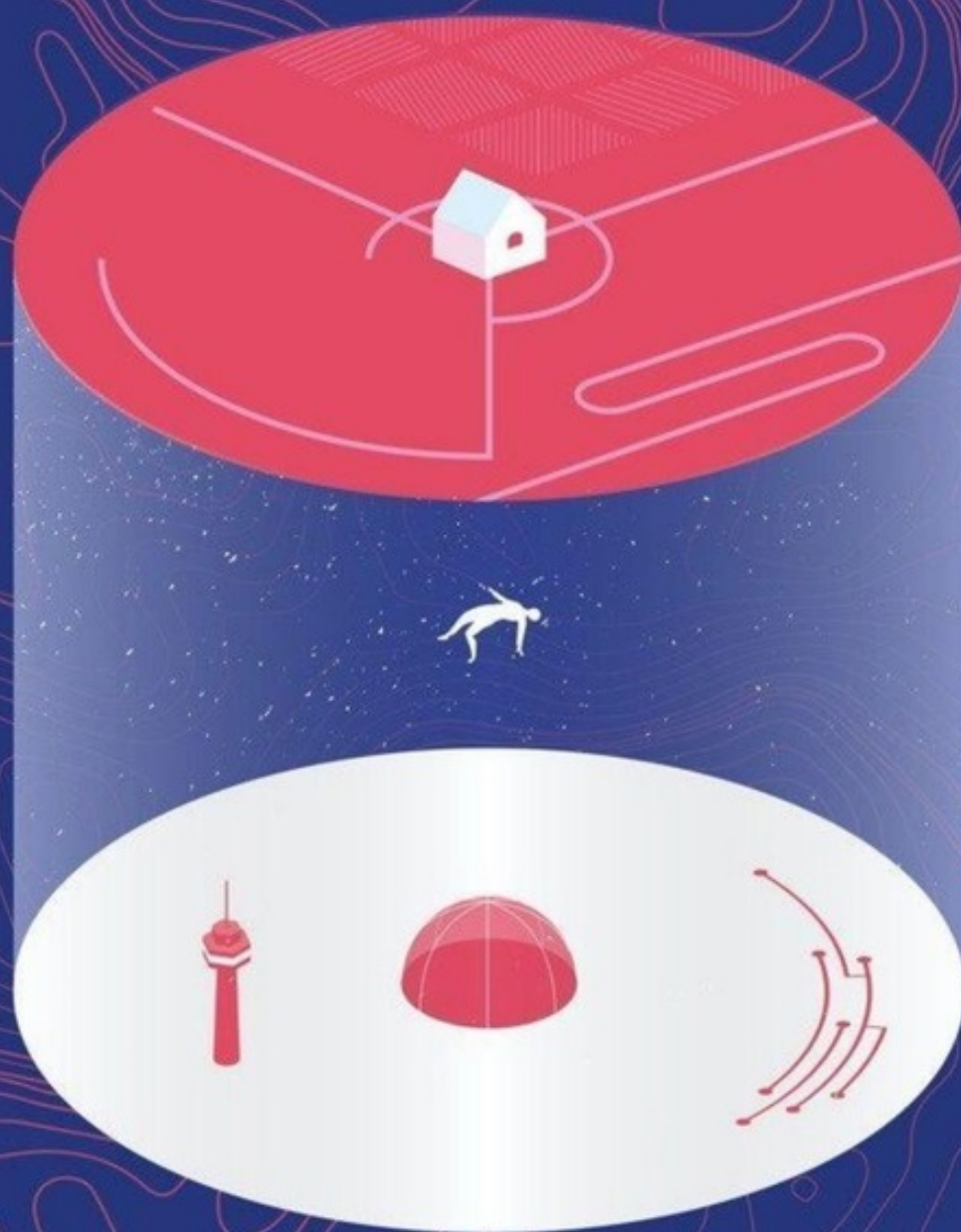

Алексей Кангин

47.620434
122.349455

48.714479
44.524603

36.8028
10.1797

ХОРА

Алексей Кангин

Хора

«Издательские решения»

Кангин А.

Хора / А. Кангин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513523-0

23 ноября 2069 года небеса рухнули. Посыпавшаяся с неба армада спутников положила конец прежнему миру. Цивилизация сосредоточилась в Домах — автономных полисах, жизнь в которых организована по кастовому принципу. Молодому представителю высшей касты Дома Волгоград начинают сниться яркие сны об одном из его прошлых воплощений. Эти сны заставляют его бежать из Дома в поисках лучшей жизни, чем он знал до сих пор...

ISBN 978-5-00-513523-0

© Кангин А.
© Издательские решения

Содержание

Пробуждение	6
1. Дом Волгоград	6
2. Подготовка похода	12
3. Побег	17
4. Старый Город	22
5. Обратный путь	29
6. Возвращение	36
7. Отцы и дети	42
8. Суд	46
Лунный свет	52
09. Под Луной	52
10. Гибралтар	56
11. Дом Карфаген	61
12. Предел Африки, ч.1	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Хора

Алексей Кангин

Дизайнер обложки Сабит Кадыров

© Алексей Кангин, 2020

© Сабит Кадыров, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-3523-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пробуждение

1. Дом Волгоград

Где-то в вышине раздались синеватые всполохи, едва заметные снизу. Гроза? Как бы хотелось сейчас грозы! Ведь гроза следует рука об руку с дождём – он видел это в старых фильмах. С дождём, который принесёт обновление, который смывает всю эту однообразную повседневность долой. Но под куполом не бывает дождей. Как не бывает их и снаружи, где только снег и хлопья вулканического пепла.

Казимир, бежавший домой после очередной встречи с клиентом, остановился и пристально посмотрел наверх, на осмотический купол, накрывающий собой весь город. Конечно, нет здесь никакой грозы. Всего лишь озонирование. Всего лишь жалкая попытка как-то разбавить этот затхлый воздух последнего человеческого поселения, стоящего одиноко посреди безжизненной пустыни. Чтобы несколько сотен тысяч человек, живущих здесь, не задохнулись. Не задохнулись в прямом смысле этого слова, ведь их сознание задохнулось уже от однообразных картин из оргстекла и стали.

Вздыхнув, Казимир продолжил путь домой. Протискиваясь сквозь плотный поток идущих ему навстречу горожан, он не смог сдержать улыбку, когда вдруг понял, что сейчас похож на рыбу, плывущую против течения. В часы пик узкие улочки не могли пропустить всех и сразу. Приходилось либо толкаться, либо вставать в общую очередь и двигаться с небольшой скоростью медленного людского потока. Чтобы такого не случалось, вообще-то был придуман общественный транспорт, но и он не справлялся с массой желающих добраться до работы ранним утром. Казимир часто думал о том, что в программе контроля численности населения где-то произошёл сбой, и именно поэтому на улицах города образовывались эти пробки из людей. Он хотел бы знать, как обстоят дела с этим в других городах, но такой информацией обладали разве что прислужники Корпорации, а с ними у Казимира не было ни малейшего желания общаться.

В этот самый момент Илларион проснулся. Какое-то время он просто лежал, глядя в потолок. Конечно, он знал, что такое гроза. Конечно, стоял под каплями дождя, обычно холодными и не вызывающими никаких приятных чувств. Но снова и снова повторялись эти сны, в которых его звали Казимиром, а жил он под гигантским куполом.

Пора сходить к психосомнологу? Рассказать ему о навязчивых снах? Идея эта не казалась Иллариону такой уж хорошей. Психосомнологов он не любил точно так же, как не любят и любых других врачей. Но, похоже, действительно пора.

Потянувшись, Илларион встал. Надев на руку часы (превосходный образец высокой механики, работающий чуть ли не со дня Рухнувших небес), он какое-то время ловил солнечных зайчиков циферблатом, даже не отдавая себе отчёта в том, что делает это намеренно, не желая выходить из комнаты. Спohватившись, он прекратил это недостойное представителя высшей касты дело, спешно оделся, умылся, наскоро помыл голову прямо под краном (идти в общую душевую ему сегодня совсем не хотелось) и вышел в коридор.

Проходя по коридору, он выглянул в окно. Там, за окном, под ярким летним небом простиралась великая река, за века сменившая немало имён: Ра, Атель, Итиль, Идель, Волга. Река манила своей загадочной синевой, но увы, она находилась за пределами Дома, и потому путь к ней Иллариону был заказан. Исторические хроники говорили, что Волгу когда-то величали «великой русской рекой», но для Иллариона русские были столь же далеки, как и жившие здесь ранее хазары. Трудно было говорить о каких-то народах после того, что человечество пережило в конце XXI века и что впоследствии назвали «Вторым Вавилонским смещением».

По пути Иллариону попадались представители второй касты, и он приветствовал их легкими кивками. Дваки¹ на мгновение замирали и прикладывали руку к сердцу в знак ответного приветствия. В отличие от дваков, Иллариону не нужно было спешить на работу, поэтому к кабинету психосомнолога он мог проследовать не торопясь.

Оказавшись у нужной двери, Илларион остановился и перевёл дух. Конечно, по-хорошему надо было сначала договориться о времени приёма, и только потом идти. Но Илларион прекрасно отдавал себе отчёт в том, что делает. Он специально стремился сделать всё, чтобы не попасть к психосомнологу, чтобы услышать, что он занят, вздохнуть, а потом отложить визит ещё на неделю. Но сегодня судьба распорядилась по-другому. Доктор Исидор, психосомнолог, и сам только-только подошёл к своему кабинету. Заметив застывшего в нерешительности Иллариона, он окликнул его.

– Доктор Исидор, доброе утро! А я как раз к вам, – растерянно произнёс Илларион.

– Великолепно, влак² Илларион. Как раз сегодня с утра у меня свободно. Давайте зайдём.

Отворив дверь ключом, доктор сначала пропустил Иллариона, а следом и сам вошёл внутрь. Кабинет психосомнолога больше походил на оранжерею: с огромным окном во всю противоположную стену, уставленный огромным количеством горшков и кадок с самыми разнообразными растениями, подчас самыми экзотическими. При всём этом, для бесед с пациентами был отведён дальний затемнённый уголок. Очевидно, считалось, что о снах лучше говорить в полумраке.

Доктор прошёл к своему столу и позвал за собой Иллариона.

– Мне как, садиться в кресло или лечь на диван? – уточнил Илларион.

– Как удобнее, – ответил доктор Исидор. – Диван – это наследие давних времён, когда сны толковали психоаналитики. Должен сказать, что дваки и трики³ часто предпочитают именно диван, но нам, влакам, вполне можно разговаривать лицом к лицу, не так ли?

– Да, всё так, – вынужденно согласился Илларион и сел в кресло. Для него сегодня оба варианта были бы одинаково некомфортны, но раз уж он оказался здесь, надо было идти до конца.

– Могу предложить чаю, – произнёс доктор. Илларион согласился. Доктор отдал несколько команд через свой инфорк⁴, и пока они ждали чай, начал расспрашивать Иллариона о том, что же его беспокоит.

– Мне снятся сны, – начал Илларион, и тут же понял, насколько смешно звучит эта фраза на приёме у психосомнолога. Доктор в ответ лишь улыбнулся, кивком приглашая продолжать.

– В этих снах меня зовут Казимир, и я живу в странном Доме, полностью накрытом каким-то куполом.

– У тебя есть представление о том, где располагается этот Дом?

– Нет, нету, – Илларион покачал головой. – Могу лишь сказать, что не здесь. Это какая-то мрачная безжизненная пустыня, а с неба порой падают вулканические хлопья.

– Значит, это один из регионов геологического кризиса, – заключил доктор. – А этот Казимир, кто он? К какой касте принадлежит?

– Не могу сказать точно. Судя по всему, у них вообще нет каст.

– А на каком языке он разговаривает?

– Этого я попросту не знаю. Разговаривает и разговаривает...

В этот момент принесли чай. Доктор отпил и задал следующий вопрос:

– А чем же занимается этот Казимир?

¹ Двак – сокращение от «каста-два, вторая каста». Инженеры и квалифицированные технические специалисты Дома.

² Влак – сокращение от «владетельная каста». Правители Дома и специалисты интеллектуальной сферы.

³ Трик – сокращение от «Каста-три, третья каста». Охрана и военные Дома.

⁴ Инфорк – сокращение от «информационно-коммуникационное устройство».

– Насколько я могу судить... – начал отвечать Илларион и задумался. – Всё, конечно, смутно... Но мне кажется, что он сыщик или частный детектив.

Доктор кивнул, сделав какие-то пометки в инфорке. После чего произнёс:

– Для нашей касты нормально помнить прошлые жизни. Так что же тебя тревожит в этих снах?

– Я не знаю, – ответил Илларион, и он не был до конца честен. Он прекрасно знал, что его тревожит. Жизнь Казимира, даже не смотря на мрачный купол, казалась ему более яркой и свободной, чем его нынешняя жизнь.

– Впрочем, ты мог бы и не отвечать, – сказал доктор. – Ситуация типична. Ты задаёшься вопросом, не был ли ты более счастлив, когда был Казимиром.

Илларион поперхнулся чаем.

– Аккуратнее, – с улыбкой проговорил доктор и продолжил. – Это очень частое явление. Обычно мы помним прошлые жизни очень смутно, но бывает и так, что какая-то из жизней пытается настойчиво ворваться в нашу действительность. С этим можно бороться. Главное помнить, что прошлая жизнь – это тоже ты, просто ты на несколько поколений раньше. И ты не можешь заменить самого себя, потому что ты един. В бесконечном колесе перерождений твоя нынешняя жизнь – не первая и не последняя. Сейчас тебе просто надо пройти тот путь, который лежит перед тобой.

Сделав небольшую паузу, доктор продолжил:

– Проблема в том, что сейчас ты находишься в процессе обучения. Ты ещё не начал вести полноценную жизнь влака, и именно поэтому считаешь, что жизнь Казимира лучше. Разумеется, это не так. Ведь не для того ты воплотился сейчас здесь именно в этой касте, чтобы страдать.

Именно в этот момент у Иллариона возникло непонятное и стойкое желание уйти отсюда как можно скорее.

– Спасибо, – поблагодарил Илларион и отставил чашку. – С этим знанием теперь мне будет гораздо легче.

– Куда же ты так спешишь? – с улыбкой поинтересовался доктор Исидор. – Мне кажется, мы могли бы с тобой поговорить ещё о многом.

– Некогда, – соврал Илларион и выпалили первое, что пришло в голову: – Надо работать в библиотеке.

– Что ж, похвально, – доктор кивнул. – Тогда не смею задерживать.

Илларион встал, ещё раз поблагодарил доктора за уделённое ему время и направился к выходу. На какой-то миг взгляд Иллариона остановился на лице доктора. Доктор всё так же улыбался, но в его глазах Илларион заметил что-то, что его напугало. Исидор смотрел на своего пациента, как перк⁵ смотрит на любимую, но тяжелобольную корову. Илларион моргнул – и вот наваждение исчезло. Доктор смотрел на него по-доброму, по-отечески даже. Илларион тряхнул головой, отгоняя остатки видения, и поспешил к выходу.

Едва выйдя из кабинета, Илларион прислонился к стене. Ему надо было отдышаться. Он и сам не понял, когда успело сбиться дыхание. Илларион так и стоял, а мимо него проходили дваки, бросая удивлённые взгляды.

«Ещё пара минут так, и обо мне поползут слухи», – подумал Илларион и оторвался от стены. После чего побрёл в библиотеку. Из старых книг он знал, что обычно в ситуациях, подобной той, что происходила с ним, люди устраивали себе смену обстановки, и это помогало. К сожалению, влаку нельзя ступать на землю за пределами Дома, а в Доме обстановка везде примерно одинаковая.

⁵ Перк – сокращение от «первая каста». Рабочие низкой квалификации и фермеры, принадлежащие к Дому.

– Лар, ты снова в библиотеку? – раздался за спиной знакомый громкий голос. Илларион обернулся. К нему спешил Григор, его ровесник и собрат по касте.

Григор, как и сам Илларион, был темноволос, среднего роста, с тонкими чертами лица и бледной кожей. При этом Григор был несколько полнее. Илларион и Григор родились в один год, поэтому такая схожесть была вполне объяснима. Григор, как и Илларион, был одет в традиционный для влаков халат с замысловатым узором, в котором были зашифрованы сложные математические последовательности.

Илларион поблагодарил небеса за то, что уже успел отойти от кабинета психосомнолога на достаточное расстояние, и вряд ли Григор поймёт, как началось утро Иллариона.

– Да, в библиотеку, – скупно ответил Илларион. На самом деле, никакого желания идти в библиотеку у него не было, но после сказанного доктору он уже и не мог поступить иначе.

– Что же ты там хочешь найти?

– Разве это так важно? Постигание и сохранение истории входит в наши обязанности, – Илларион не был в настроении разговаривать, ему не нравилось, что Григор повис у него на хвосте.

– Цель определяет результат, – напомнил Григор, и с этим утверждением было трудно поспорить.

– Чего ты хочешь? – прямо спросил Илларион.

– Хочу составить тебе компанию. Вернее, хочу, чтобы ты мне помог с фондом по Северной Америке, – прямо ответил Григор.

– Ну, думаю, это возможно, – нехотя согласился Илларион. В конце концов, сейчас надо было чем-то заняться.

– Вот и отлично, – Григор кивнул, и дальше они пошли вместе. Библиотека располагалась прямо в подвале доминиона, куда они спустились на лифте. Старый библиотечный фонд, не оцифрованный и чудом избежавший гибели в дни Новых Тёмных веков, требовал особых условий содержания. Пускали сюда далеко не всех. Кроме нескольких техников и библиотекарей из дваков, только представители влаков могли работать с книгами.

– У нас мало по Северной Америке, в основном политически обусловленный негатив, – сообщил Илларион, пока они шли к нужному стеллажу. – Непопулярная тема. Нам бы произвести обмен оцифрованными фрагментами с каким-нибудь Домом из Западной Европы.

– Ну что поделать, – отозвался Григор. – Если так подумать, у нас вообще очень мало. Волгоград на момент катастрофы был хоть и крупным городом, но далеко не центром мира.

– Но именно это его и спасло, – произнёс Илларион с некоторой долей досады от того, что ему, влаку, никогда не удастся выйти за пределы Дома и побродить по руинам некогда огромного города. Новый Дом Волгоград построили выше по течению Волги от прежнего города-миллионника. Пустыня наступала всё дальше и дальше на север, и по этой причине основатели их Дома решили поселиться там, куда пустыня доберётся ещё не скоро.

– В этой местности не было особых войн, и многое уцелело, – словно прочтя его мысли, заговорил Григор. – Жаль, что нам не дадут пройти по руинам Старого Волгограда.

Илларион только кивнул в ответ. Он знал о том, что, например, Москва, бывшая столица этих земель и некогда один из богатейших городов мира, так привлекала своими богатствами бандитов и мародёров, что после нескольких лет хаоса там не осталось почти ничего. В этом плане бывшие провинции оказались куда более перспективными для исследователей. Но, увы, вместе с бывшими столицами погибла и огромная часть культуры и науки, в том числе и истории.

– Я видел съёмку руин с воздуха, – продолжил Григор. – Ты знаешь, что там самое удивительное? Планетарий. Он уцелел. Говорят, этот планетарий построили немцы после Последней войны государств.

– Для нас с тобой сейчас что немцы, что шумеры, – ответил Илларион.

– Только от шумеров почти ничего не сохранилось, а вот от немцев порядком.

– Да ты знаешь, я видел те давние исследования первой половины XXI века. Глобально уже тогда не было никакого разнообразия ни в одежде, ни в другой материальной культуре. Так что, мне кажется, нации начали отмирать куда раньше семидесятых годов.

– Ну про Последнюю войну государств мы знаем довольно много, и многочисленные источники говорят, что как раз тогда нации были на подъёме.

– Не долго же им было отведено жить.

– Что есть, то есть, – согласился Григор. – Конструкт оказался неустойчив. Интересно теперь, насколько Дома переживут нации и государства.

– Ну тут уже всё в наших руках.

Двак, стоявший на входе в библиотеку, сперва хотел подойти к гостям, чтобы помочь им найти нужные материалы, но быстро понял, что его помощь не потребуется. Иллариона здесь знали хорошо.

Добравшись до нужного стеллажа, Илларион и Григор остановились.

– Ты ищешь что-то конкретное? – спросил Илларион. Григор кивнул.

– Вулканический кризис две тысячи семидесятого года.

– Это уже совсем плохие времена, – Илларион нахмурился. – Инфраструктура тогда уже пала, и мы получали очень мало сведений о происходящем на других континентах.

– Так что же, у нас нет совсем ничего по этому поводу? – удивился Григор.

– Ну, надо искать, – отозвался Илларион и принялся открывать ящики с периодикой, быстро просматривая их содержимое.

– Сдаётся мне, что мы напрасно тратим время, – глядя на действия Иллариона, вдруг проговорил Григор.

– Если ты не будешь помогать, то точно напрасно, – с некоторым раздражением ответил Илларион.

– Лар, ну я тут подумал... Ты прав, про вулканический кризис у нас могло бы быть только в периодике, а откуда у нас возьмётся периодике того времени?

Илларион прекратил поиски, выпрямился. Строго посмотрел на Григора

– То есть ты меня сюда притащил, понимая, что мы ничего не найдём?

– В некотором роде, – Григор с лёгкой улыбкой пожал плечами.

– Ну допустим. А почему тогда именно такая тема?

– Как раз потому, что у нас по ней ничего нет. Это было бы новое слово в наших исторических исследованиях.

– Григ, ты чего-то не договариваешь.

– Да, – неожиданно легко согласился Григор. – Я специально выбрал тему, недоступную нам, чтобы иметь повод поехать по другим Домам.

Илларион открыл было рот, чтобы высказаться по этому поводу, но тут же одумался. Идея Григора, безусловно весьма эгоистичная, могла пригодиться и ему. В конце концов, она сулила как раз ту смену обстановки, о которой давно грезил Илларион.

– Ну хорошо, допустим, я не стану докладывать Совету о твоей наглости, – наконец, произнёс Илларион.

– Конечно, не станешь, ведь я хочу взять тебя с собой, – расплываясь в улыбке, сообщил Григор. – Все знают, что ты очень быстро читаешь и можешь в любом тексте найти нужную информацию. А моя задача – вбить нам пару-другую командировок.

– Хорошо, – согласился Илларион. Только сейчас он понял, что Григор, обычно весьма громогласный, последние минуты разговора был весьма тих и сдержан. Илларион огляделся по сторонам – не слушает ли их кто? И хотя в принципе в предложении Григора не было ничего криминального, но Совет мог осудить саму мотивацию предложенного им исследова-

ния. Но нет, поблизости не было других людей, кто мог бы заинтересоваться беседой двух влаков.

- Хорошо, – повторил Илларион. – А теперь мне хотелось бы по-настоящему поработать.
- Не вопрос! – как всегда громко ответил Григор и удалился.

Вечером, когда Илларион был уже у себя, Григор неожиданно появился на его пороге. Илларион открыл дверь, и гость первым делом протянул ему аэрофотоснимок.

- Что это? – спросил Илларион, отступая в сторону и позволяя Григору войти.
- Это Старый город. Старый Волгоград.
- И за чем ты мне принёс этот снимок? – закрывая дверь, уточнил Илларион.
- Хочу показать планетарий. Вот он, – Григор вновь протянул снимок.
- Ну да, вижу, и что? – Взяв снимок в руки, подтвердил Илларион.
- Он цел, ты помнишь?
- Помню, ты говорил. Но к чему ты клонишь?
- Неплохо было бы сходить туда и посмотреть на звёзды и планеты, как ты думаешь?
- Неплохо? Неужели ты думаешь, что там хоть что-то уцелело внутри?
- Я в этом уверен, – с этими словами Григор ударило себя кулаком в грудь.
- Но перки и мародёры наверняка перевернули весь город вверх дном в поисках чего-то ценного, – не согласился Илларион.

– Вряд ли для них представляли ценность научно-популярные объекты, – продолжал настаивать Григор.

– Ну хорошо. Но как ты хочешь туда пройти, если нам нельзя ступать на землю за пределами Домов? – в ход пошёл последний аргумент.

- О, тут я всё предусмотрел! – Григор расхохотался.
- Посерьёзнее, пожалуйста! – одёрнул его Илларион.

– Ладно, Лар, ладно! – сквозь смех отозвался Григор, отдышался и продолжил: – Мы насыпем в наши ботинку землю Дома! И тогда никто не сможет сказать, что мы ступали на другую землю!

- Ты безумен, – произнёс Илларион и покачал головой.
- Так твой ответ? – не сдавался гость.

– Нет. Мой ответ нет, – строго произнёс Илларион. – И вообще уже время позднее. Пора спать. До завтра!

Григор понял намёк, кивнул и спешно вышел. Всё произошло настолько быстро и настолько тихо, что опешивший Илларион не сразу понял, что аэрофотоснимок остался у него в руках.

– Старый город, говоришь? – пробормотал под нос Илларион. – Хотел бы я знать, у кого Григор утащил этот снимок.

В нижнем углу снимка красовалась дата съёмки. Всего неделю назад.

2. Подготовка похода

Они стояли вдвоём на стальной платформе у самого края купола из оргстекла. Тусклое красное солнце едва-едва пробивалось сквозь покрывающую весь мир дымку, а с неба падало нечто, похожее на снег, но таковым не являющееся. Вдали виднелись смутные очертания давно покинутого и засыпанного пеплом города.

Был день, но по степени освещённости такой вывод сделать было бы невозможно. Лишь часы на руке Казимира и положение в небе практически бесполезного солнца свидетельствовали об этом. Казимир достал из внутреннего кармана сигару, закурил. Его спутник, до того момента словно бы пребывавший в оцепенении, вдруг зашевелился, заговорил:

– Каззи, ты же понимаешь, что рискуешь, раскуривая эту дрянь здесь?

– Я рискую ровно настолько же, насколько и ты, называя меня Каззи, – мрачно отозвался Казимир. – Понимаешь, Джонни?

– Дело твоё, – ответил Джон. – Видно, проблем тебе всё ещё не хватает.

Казимир не ответил, лишь затянулся. Зрелище снаружи купола пугало и завораживало одновременно. Но особенно его внимание привлекал заброшенный город. Своими мыслями он уже был там. Казимир протянул вперёд руку с сигарой, тлеющим концом словно бы указывая на цель:

– Все ответы там, – коротко произнёс он.

– Ты так в этом уверен?

– Здесь мы прошерстили уже всё. Заглянули буквально под каждый камень, – при этих словах Казимир невольно усмехнулся, ведь под куполом не было камней. – Мы сделали всё, что могли. Если ответы и есть, то они там, в городе.

– Не кажется ли тебе, что риск слишком велик? Заказчик платит нам не настолько много, чтобы, рискуя жизнью, лезть наружу.

– Какой же должна быть цена для того, чтобы ты решил рискнуть, вечно осторожный Джонни? – Казимир усмехнулся. Рука с сигарой застыла в воздухе, он словно бы забыл в очередной раз затянуться. Впрочем, Казимир никогда и не был курильщиком. Сигары водились у него исключительно из-за дружбы с контрабандистами. А уж отказать себе в удовольствии лишний раз подёргать за усы органы поддержания правопорядка Казимир никак не мог.

– Я решил, Джонни. С тобой или без тебя, я пойду туда, – не глядя на собеседника и не сводя взгляда с руин, продолжил Казимир. – Здесь мы зашли в тупик. Либо там мы из этого тупика выйдем, либо вообще мы с тобой выбрали не то занятие для себя.

– Что сказать, ты мог бы не уходить из полиции, – отозвался Джон. Как обычно, он зацепился не за суть вопроса, а за его следствие.

– Я был в группе зачистки, если ты помнишь, – Казимир со злостью швырнул сигару под ноги, на решётчатый металлический пол платформы. – И не надо лишний раз об этом.

Илларион открыл глаза. Было ещё довольно рано, можно было бы спать и дальше, но уже не хотелось. Разговор с психосомнологом, безумное предложение Григора, эти сны – внезапно всё встало на свои места. В одной из прошлых жизней он был свободен. В одной из прошлых жизней он не боялся выйти за пределы своего Дома. И поскольку сейчас он воплотился во влаку, это значит, что тогда он выбирал правильные решения.

Нет, нельзя было сказать, что страх полностью покинул Иллариона. Но теперь он готов был посмотреть в глаза этому страху и переступить черту. Ведь Казимир не боялся ничего. А Казимир – это он. И он помнит, каким был.

Илларион встал, взял в руки вилку и набрал Григора. Григор не вышел на видеосвязь, но слышалось его недовольное ворчание:

– Лар, чего так рано?

– Григ, вставай, я согласен.

– На что ты согласен?

– Забыл уже?

– Ааа, ты об этом... – в голосе Григора не слышалось никакой радости.

– Да. И я жду тебя у себя сейчас же, – с этими словами Илларион оборвал связь. И даже сам удивился такому своему поведению: никогда прежде он не разговаривал с равными себе в приказном тоне. Но почему-то он был уверен, что Григор не оскорбится на подобное и непременно придёт.

Илларион не обманулся в своих ожиданиях: уже через пятнадцать минут Григор стоял на его пороге. Он выглядел заспанным, недовольным и в то же время крайне удивлённым.

– Лар, какая муха тебя укусила, чтобы ты выдернул меня из постели в пять утра? – едва переступив порог, возмутился Григор.

– Не будем про мух, – отрезал Илларион.

– Так и всё же?

– Я вдруг подумал, что вряд ли весь наш жизненный путь, приведший к нашему воплощению во влаков, был для того, чтобы сейчас мы сидели как птички в золотой клетке.

– Интересная мысль, – прокомментировал Григор, зевая и словно бы перечёркивая собственные слова.

– Уж не испугался ли ты собственной идеи? – пошёл в наступление Илларион.

– Нет. Когда выходим, командир? – улыбаясь, спросил Григор.

– Сегодня ночью.

Тут уже Григор не смог скрыть удивление:

– Быка за рога, да?

– А чего откладывать? Насколько я могу судить, нам обоим тут скучно, – в этот момент Иллариона посетила мысль узнать у Григора, а не видит ли он тоже ярких снов из прошлой жизни, но он удержался от этого соблазна.

– Ну хорошо, – согласился Григор. – Теперь нам надо раздобыть снаряжение для выхода наружу.

– Мне казалось, что ты всё продумал.

– Отчасти ты прав. У меня тут завалилась пара бланков на выдачу обмундирования для учений по обороне Дома.

– Григор, я даже боюсь представить, как ты достал эти бланки!

– Долгая история, – улыбнулся Григор. Илларион только покачал головой. Он и предположить не мог, что один из его собратьев – вор. Иного способа достать бланки, кроме как украсть, не существовало.

Илларион и Григор сели за стол, на котором была разложена карта-снимок. Илларион вытащил линейку и принялся прикидывать расстояние от Дома до планетария.

– Слушай, порядка пятидесяти километров выходит, – сообщил он. – Пешком мы сегодня туда не дойдём.

– Предлагаешь угнать багги?

– Не знаю даже. Мне кажется, не потянем. Есть и второй вариант, но он о том, что мы два дня будем добираться до места. А ты-то сам как хотел? – Илларион поднял взгляд на Григора.

– Я об этом вообще не думал, – честно признался Григор.

– Молодец ты, конечно, – Илларион усмехнулся. – Меня решил подбить на авантюру, а сам даже не знаешь, что и как устроить.

– Ну я же знаю, что ты бы сообразил, как правильно выкрутиться из этой ситуации.

– Ты пытаешься поймать меня на примитивную лесть. Придумай что-нибудь получше.

– Ладно тебе, – Григор махнул рукой. – Значит, угоним багги. Так и быть, это я беру на себя.

– Но чем больше заметных действий мы совершим, тем быстрее нас найдут, – предостерёг Илларион.

– Ты прав, – Григор в задумчивости взялся за подбородок. – Надо придумать что-то такое, чтобы багги нам достался просто так.

– Ну давай думать. В нашем распоряжении же не только багги, но ещё и сельхозмашины.

– Но машины тоже у нас в гараже, и их отсутствие тоже будет сразу замечено, – возразил Григор.

– Значит, надо перехватить машину вне гаража, – предложил Илларион.

– Тогда получается, что нам надо выходить не ночью, а утром или днём, когда машины в полях.

– Да. И вот я ещё что думаю: а может, угонять и не надо? Попробуем договориться.

– Как только мы договоримся, так сразу нас и сдадут, – развеселился Григор.

– Не скажи, Григ. Всё зависит от того, что мы предложим взамен.

– А это уже зависит от того, что у тебя есть, – произнёс Григор и замолчал. Сейчас и Иллариону было нечего сказать. Друзья задумались.

– Отдать наш инфорк? – предложил было Григор, но тут же сам себя поправил: – Нет, это плохая идея, передача технологий четвёртого уровня. За это нам точно голову снимут.

– А может, мы вообще не в ту сторону смотрим? Надо давать не что-то вещественное, а что-то совсем другое. В конце концов, у нас, влаков, не так много личных вещей, не то, что у перков.

– И что же ты предлагаешь?

– Ну, например, в качестве платы предложить разовый проход в доминион, – предложил Илларион.

– Или поездку с нами в планетарий! – воскликнул Григор.

– А ты знаешь, эта идея мне прямо особенно нравится, – пристально посмотрев на собрата, прокомментировал Илларион. – Это прямо минимальный риск. Вернее, риск всё тот же, но мы его несколько не увеличиваем.

– Значит, решено. Ищем двака с транспортом и предлагаем ему ехать с нами.

Почти всю следующую неделю они потратили на то, чтобы найти двака, готового поддержать их в авантюре. Для этого они изменили расписание своих регулярных занятий и переместились из подвального помещения библиотеки наверх, к гаражам, зарядным станциям и пунктам обслуживания сельхозтехники. Конечно, на влаков здесь смотрели как на очень редких гостей, но Илларион и Григор усердно изучали устройство машин, и постепенно соседи-дваки привыкли к ним. Попутно влаки прислушивались к разговорам местных техников чтобы определить того, кому можно было бы предложить выехать в Старый город.

Однако такой путь не привёл к желаемым результатам. Дваки в основном говорили о машинах, и найти по их разговорам того авантюриста, кто мог бы им помочь, было совершенно невозможно. Зато Илларион узнал, что у дваков есть множество своих специфических легенд. Например, легенда об атомоходах – машинах, созданных прямо перед Катастрофой, которые могут работать практически вечно, и до сих пор странствуют где-то в сибирской тайге, бороздят моря или парят над облаками. По преданиям дваков можно было написать целую книгу, и Иллариону даже пришла в голову мысль заняться этим, но пока он решил лишь ограничиться посещением библиотеки и изучением всего, что можно найти об этих древних машинах.

В один из дней в голову Григора пришла новая идея. Вместо того, чтобы брать кого-то с собой, можно было просто вызнать, куда именно отправляются машины после техобслужи-

вания, выбрать самую ближайшую и позаимствовать её ночью не из гаража, а прямо с территории хоры. Конечно, и здесь присутствовали некоторые трудности: влаков не учили управлять наземными машинами, а запустить машину можно было только с помощью специальной карты. Но первую проблему Григор решил по-настоящему изящно: напросился в напарники к одному из дваков и прям-таки вцепился в него как клещ, вынудив несчастного техника «дать Григору порулить». Потом он подтянул к этому делу и Иллариона. В итоге к концу недели влаки вполне могли справляться с управлением транспортом.

До решения же второй проблемы они так и не дошли. Илларион потратил некоторое время и изучил график выезда техники в поля. И тут оказалось, что подходящих вариантов нет вовсе. Ни один из тракторов не оставался на ночь на расстоянии двух часов ходьбы от Дома.

По этому поводу Илларион и Григор вечером собрались в комнате Григора. Илларион сразу начал с плохих новостей:

– Григ, у нас проблема. Все машины, которые работают близко к Дому, по регламенту должны вернуться в него к ночи того же дня. Оставаться на ночь в хоре разрешается только тем машинам, для которых в силу расстояния энергозатраты на каждодневную дорогу туда-обратно слишком высоки. А это означает, что все машины, которые мы можем ночью найти за пределами Дома, слишком далеко от нас.

– Значит, нам надо сделать так, чтобы какая-то из машин немного не доехала до Дома, – сделал вывод Григор.

– Отличная идея, Григ, – Илларион засмеялся. – Только вот как мы этого добьёмся?

– А вот тут давай думать, – Григор развёл руками.

На какое-то время они погрузились в молчание. Григор начал задумчиво вращать стоящую на столе чашку чая.

– Может, устроим сбой зарядки, трактор вырубится на полпути, а мы возьмём с собой батарею и снова запустим машину? – предложил Григор.

– Ну слушай, даже если мы сумеем устроить сбой зарядки, тащить на себе пару десятков километров сорокакилограммовую батарею – это слишком, – возразил Илларион.

– Да, может быть, ты и прав. Выводить что-то из строя тоже ненадёжно.

– Конечно, тем более что мы не технические специалисты.

– Какие же варианты у нас остаются? – спросил Григор. Илларион лишь пожал плечами.

Григор продолжил:

– А что, если мы внесём искажение в расписание?

– Каким же образом? – спросил Илларион, не отрывая взгляда от чашки чая.

– Надо сделать так, чтобы машина формально ушла куда-то далеко и у неё не было команды вернуться, но при этом чтобы по факту машина просто осталась где-то неподалёку.

– Знаешь, Григ, вот мне сейчас только одна мысль приходит в голову: надо нарушить определение расстояния до Дома. То есть чтобы машина показывала пятьдесят километров, а по факту отъехала только на десять.

– Но водитель это обнаружит, – резонно заметил Григор.

– Значит, нам нужен трактор без водителя.

– Хороший вывод. Но это машина на экстренный случай.

Илларион опрокинул чашку на стол. Чай мигом растёкся по столешнице. Илларион не мог точно сказать, зачем именно он это сделал, но подняв глаза на Григора, он произнёс:

– Значит, нам надо экстренный случай организовать.

Григор только покачал головой.

Ещё некоторое время они провели у Григора, но больше никаких значимых идей им в голову не пришло. Илларион направился к себе. По пути он пытался осмыслить свой недавний поступок с кружкой. Мелкое хулиганство, конечно, но в этом было что-то пьянящее, что-

то от Казимира. Илларион не знал, радоваться такому факту или же, наоборот, тревожиться. Ведь, по большому счёту, он пустил свою прошлую жизнь в настоящее, а как он знал, такие истории плохо заканчивались. Но в тот момент его охватила лёгкая эйфория, а со всем остальным можно было разобраться завтра.

Уже перед сном Иллариону пришла в голову мысль, что можно использовать в своих интересах Корпорацию. Когда идёт караван, он глушит вокруг себя все радиосигналы. Это делается специально для того, чтобы караван не подвергался атакам беспилотников. Но точно так же он выведет из строя и систему навигации трактора. В самом лучшем варианте трактор вовсе остановится в поле и не поедет дальше, пока не получит новую команду. И вот тут задача Иллариона и Григора сделать так, чтобы он эту команду не получил.

Илларион изо всех сил пытался вспомнить, когда же ожидается следующий караван, но похоже, это знание ускользнуло от него. Тогда он решил во что бы то ни стало с завтрашнего дня напроситься на работу в Торговую палату. Если бы ему удалось это, им вдвоём с Григором было бы куда проще организовать поход с разных направлений работы.

В эту ночь Иллариону не снились сны. Утром, едва перекинувшись с Григором парой слов (Григор на удивление быстро понял задумку), Илларион направился в Центр распределения, чтобы договорить о направлении в Торговую палату. К сожалению, ближайшая возможность открывалась только через три дня. Это с натяжкой можно было назвать допустимым. Илларион нервничал: вылазка в Старый город очень сильно откладывалась, и с каждым днём казалось, что она становится всё менее и менее возможной. Но не смотря ни на что, сейчас у него была цель, и он был готов следовать ей.

Не оставалось ничего другого, кроме как вернуться в гараж. Влаки решили провести период вынужденной задержки с максимальной пользой. Они принялись за детальное исследование беспилотных машин: особенности построения маршрута, способы управления, запас хода. В отличие от традиционных тракторов, беспилотники не имели обычной системы управления и, в случае необходимости, контролировались радиосигналами. Соответственно, у них не было и кабины, но зато они несли батарею повышенной мощности. Такие машины были не предназначены для перевозки людей, но тем не менее, присутствовала возможность уцепиться за скобы на борту и таким образом поехать. На местном жаргоне дваков это называлось «на броне», но никто так и не смог объяснить Иллариону, при чём тут броня.

Беспилотники выводились в поля довольно редко. По контракту с обитателями своей хоры, Дом Волгоград должен был предоставлять перкам возможность работать, не заменяя их автоматами. В ответ перки не только снабжали Дом продовольствием, но и были готовы сформировать ополчение на случай нападения какой-нибудь кочевой банды. Правда, последнее такое нападение случилось ещё до рождения Иллариона, а уж боевые качества и оснащение перков оставляли желать лучшего. Но контракт есть контракт, и обе стороны неукоснительно его соблюдали. Поэтому Иллариону и Григору ещё нужно было выдумать основание вывести беспилотник в поля.

Через несколько дней Илларион перешёл в Торговую палату и получил доступ к подробнейшему календарю визитов Корпорации. Григор продолжал тем временем работать в гараже. Однажды ему в голову пришла идея, которая устроила обоих влаков: Григор прямо сказал начальнику гаража, что хочет самостоятельно запрограммировать аппарат и отследить эффективность его работы. Начальник был несколько удивлён, но Григор оказался очень убедителен. В итоге им было разрешено провести такую работу. Илларион подгадал день, когда караван будет входить в ворота Дома, и теперь дело оставалось за малым.

Ждать.

3. Побег

Долгожданный день настал. На пространстве перед Домом временным лагерем разместились охранники Корпорации в чёрных доспехах (их они не снимали круглые сутки, и Илларион хотел бы знать, как они спят), тут же стояли несколько вездеходных грузовиков, а сами купцы в цветастых церемониальных шёлковых одеждах уже были внутри Дома.

Как и прежде, день визита купцов Корпорации превратился в настоящий праздник. Илларион был свидетелем прибытия каравана. Он не спустился вниз, к воротам Дома, но наблюдал с балкона доминиона, имея хороший обзор и слышимость. Всё началось с выступления барабанщиков. Они разместились по обе стороны от врат и начали мерно выбивать довольно тяжёлый для уха ритм. Все, кто были в этот момент на привратной площади, сразу поняли, в чём дело, и поспешили освободить пространство, разместившись чуть поодаль. Мало кто ушёл вовсе – все хотели быть свидетелями церемонии. Как только на площади перед воротами стало чисто, на ней появились трое старших влаков с церемониальным оружием в руках – алебардами на длинных древках. Высший из влаков поднял руку – и барабанщики затихли. После чего он поднял вверх алебарду и резко разрубил ей воздух. Врата открылись. Старший из купцов Корпорации ступил на землю Дома. В тот же миг тяжёлый удар барабанщиков сотряс воздух. Следующий оглушительный удар – и наземь полетела алебарда высшего влака. Ещё удар – и полетела алебарда влака, стоящего справа. Третий удар – и третья алебарда оказалась на брусчатке под ногами купцов. Барабанщики принялись выбивать дробь, и трое купцов окончательно вошли в город. Последовал синхронный поклон влаков. Купцы ответил тем же. После этого купцы один за другим подняли алебарды, сделали несколько чётких, размеренных шагов в направлении влаков и с поклоном вручили им церемониальное оружие.

Высший из влаков трижды ударил древком алебарды по брусчатке. Двое его соратников разошлись в стороны, не выпуская оружие из рук. Сам же первый влак сделал три шага назад и один вправо и встал там. Купцы Корпорации прошли мимо него в город. Следом за ними в ворота въехали автотележки с товарами. Корпорация официально прибыла в Дом Волгоград.

Илларион знал, что дальше пойдут многочисленные приёмы и церемонии, торг, деловые встречи, переговоры о дальнейшем сотрудничестве и, наконец, обсуждение последних новостей мира. И хотя Илларион сейчас работал в Торговой палате и даже сам участвовал в подготовке некоторых будущих мероприятий, в настоящий момент его интересовало совсем не это.

Григор в общем-то легко и непринуждённо с помощью невесть откуда взявшихся бланков добыл на складе два военных костюма «Тактик», которые, впрочем, всеми именовались не иначе как «Тик-Так». Накануне они вдвоём запрограммировали один из беспилотных тракторов на автономную работу и отправили его в поля, чем добились своего: как только караван Корпорации прибыл к Дому, трактор отключился на полпути назад, и теперь лишь надо было ночью найти его. Благо на время визита Корпорации врата Дома не закрывались даже ночью (ну в самом деле, кто подумает нападать на вставших лагерем охранников Корпорации?)

В ту же ночь, по задумке Григора насыпав в ботинки земли родного Дома, друзья вышли за ворота. Они оделись в простую одежду, словно были обычными перками и весь день торговали в городе. За спиной у каждого висел рюкзак с боевыми костюмами весом под тридцать килограмм. Было довольно тяжело, но они рассчитывали надеть на себя костюмы, как только найдут трактор. Тогда вес бы перераспределился по всему телу и им было бы попроще идти.

Первые проблемы, не смотря на хорошо продуманный план, начались уже довольно скоро: буквально в тот же момент, когда они миновали лагерь Корпорации. Илларион вдруг обнаружил, что его инфорк не может взять пеленг трактора.

– Вот чёрт! – выругался Илларион. – Мы забыли про глушилки. Инфорк теперь бесполезен. Я не могу засечь радиосигнал трактора.

- А если посмотреть по последней позиции? – предложил Григор.
- Система навигации тоже заглушена!
- Что же теперь будем делать?
- Ну я вижу последнюю позицию трактора. Проблема в том, что я не вижу, где мы. Трактор-то в десяти километрах от Дома.
- Два часа идти, хочешь сказать? – по виду Григора было понятно, что он не очень-то рад этой новости.
- Два часа по прямой. Если будем блуждать, то и того дольше. А ещё учитывай и вес рюкзаков, который тоже замедляет наше продвижение.
- Нет, по поводу веса вообще не согласен. Давай-ка переоденемся в «Тик-Таки» сразу, как только лагерь скроется из глаз.
- Хорошая мысль, – похвалил Илларион, и тут ему самому в голову пришла неожиданная идея. – Послушай, а ведь в комплект «Тик-Така» входит обычный аналоговый компас! Они были очень популярны сразу после Рухнувших небес, и сейчас будут работать. Просто возьмём направление на последнюю точку трактора по компасу и будем держаться его.
- Так они и сделали. Илларион прикинул, что им надо двигаться на северо-запад, и они бодро зашагали в указанном направлении. Как и было оговорено, едва лагерь Корпорации скрылся из виду, они переоделись в «Тик-Таки», а простую перковскую одежду спрятали в рюкзаки. В комплект обмундирования входило также и оружие, так что сейчас они походили на двух триков, вышедших на патрулирование хоры.
- Лар, как думаешь, Корпорация не жажнет по нам чем-нибудь тяжёлым, если увидит, что возле её лагеря слоняются двое вооружённых людей? – неожиданно спросил Григор.
- Не думаю, – пожав плечами, ответил Илларион. – На нас же маячки свой-чужой, уж поймут, что мы из Волгограда.
- Да, вот только ты позабыл, что глушилки давят все радиосигналы.
- Илларион досадливо цокнул языком.
- Ты прав, Григ. Не поймут. Ну будем надеяться, что они хотя бы поймут, что мы удаляемся, а не приближаемся к ним.
- Мы вполне можем быть шпионами, – в голосе Григора Иллариону послышалось явное веселье.
- Чему же ты так радуешься?
- Да я вот думаю, не лучше ли будет, если нас пристрелят на обратном пути охранники Корпорации? Не очень-то хочу попадать под суд родного Дома за то, что вышел в хору.
- Илларион остановился и ухватил Григора за плечо.
- Григ, ты же вроде сказал, что всё продумал? Этот твой трюк с землёй?
- Ну я не знаю, до нас этого никто не делал, – рывком высвобождая руку, ответил Григор. – Сам понимаешь, обещать не могу.
- Ладно, – согласился Илларион. – Обратного пути для нас всё равно уже нет.
- Вот я и говорю, – радостно подтвердил Григор. – Вперёд, только вперёд!
- Следующий час они прошли молча, время от времени обмениваясь лишь малозначительными фразами. Кругом раскинулись возделанные поля, но людей им не встретилось. Жилища перков располагались на значительном отдалении от Дома. Воздух здесь, в степи, имел удивительный запах, какого не встретишь в помещениях доминиона или же на площадях самого города. Илларион в очередной раз подумал, что влаки, не смотря на все свои права и привилегии, узники в системе Домов. Ночной воздух опьянял, и сейчас ему было совершенно безразлично, что же ждёт его по возвращении домой. Внезапно ему припомнились слова какого-то древнего поэта о том, что смерть стоит того, чтобы жить. Неожиданно для самого себя, Илларион вдруг спросил:
- Григ, а ты заметил, что мы перестали писать новые песни?

– Что? – Григор от неожиданности даже остановился.

– Я говорю, мы перестали писать песни. И стихи.

– Ну как же перестали, вот прямо сегодня наверняка на рыночной площади можно будет услышать какую-нибудь совершенно новую песню в исполнении какого-нибудь перка.

– В том то и дело, что перка. А мы, влаки, полностью утратили этот дар.

– Да и не всё ли равно, Лар? Что ты вдруг за это уцепился? Перегрелся, что ли? Ночь и вправду жарковата, особенно в этом костюме.

– Ничего-то ты не понял, – Илларион разочаровано махнул рукой. – Ладно, пошли дальше.

Они продолжили путь. Вскоре на горизонте показались габаритные огни трактора. Трактор оказался значительно левее того маршрута, по которому они пошли – Илларион не учёл, что они уже успели отойти на некоторое расстояние от Дома перед тем, как достать компас, а потому не внёс корректировки в курс.

Как только они приблизились к трактору, Илларион вытащил инфорк и начал проверять, как трактор отзывается на команды. На таком близком расстоянии трактор отзывался великолепно: Илларион выключил габаритные огни и заставил трактор сделать пару кругов по полю в одном и другом направлении.

– Ну что, цепляемся и поехали! – призвал Илларион и первым уцепился за скобу на борту трактора. Григор последовал за ним.

– Так, проблемка, – сообщил Илларион. – Я одной рукой держусь за скобу, а в другой у меня инфорк. Управлять машиной мне нечем: третью руку не отрастил.

– Понял-понял, – отозвался Григор. – Давай я буду держать инфорк, а ты управляй. И погнажи уже наконец!

Григор разместился спиной по направлению движения, взял в руку инфорк и развернул его экраном к Иллариону. Илларион стал лицом вперёд – ему нужно было видеть дорогу. Глушилки Корпорации сильно затрудняли навигацию, но заранее загруженная в инфорк карта местности, а также компас, помогли ориентироваться.

– Мы сейчас можем немного заплутать в полях, – предупредил Илларион. – Но как только выйдем на старую дорогу, будет всё просто. Строго на юг, вдоль Волги.

Григор кивнул, глядя по сторонам.

– А всё же хорошо, что мы так всё рассчитали, чтобы трактор тормознулся именно здесь, – проговорил он. – Не так далеко идти, да и посторонних глаз нет. Я, правда, задолбался на себе таскать «Тик-Так».

– Удача, на самом деле. Нам повезло, – признался Илларион. – Я мог лишь весьма предварительно прикидывать, где остановиться аппарат. Ничего не знаю о радиусе действия глушилок корпоратов.

– Ну раз нам повезло вначале, то непременно повезёт и дальше! – оптимизм Григора было не поколебать. Илларион, впрочем, и сам был в прекрасном расположении духа.

Аккуратно, чтобы не оставлять лишних следов, проезжая между возделанными полями, Илларион через полчаса вывел трактор на старую дорогу.

– Григ, держись крепче! Сейчас помчимся! – предупредил он. Григор вцепился в скобу, Илларион нажал пару кнопок на экране инфорка, и трактор довольно резво дёрнулся с места. Григор качнулся и едва не выронил инфорк.

– Эй, аккуратнее! – крикнул Илларион. – Это наш единственный способ управлять машиной.

– Лар, прости, неожиданно вышло. Я плохо уцепился.

– Ладно, – Илларион понимающе кивнул – Дальше мы будем ехать примерно час на скорости шестьдесят километров, и где-то за час-полтора доберёмся до места. Я задал маршрут

строго по дороге, как она есть на карте, и пока моё управление не понадобится. Можешь убрать инфорк.

– Окей, – ответил Григор, но прежде, чем убрать инфорк в карман, он успел бросить взгляд на экран. – Лар, а мы, похоже, вышли уже за пределы глушилок. Я вижу, что наше местоположение отображается на карте.

– Давай инфорк, быстро! – скомандовал Илларион. – Я совсем забыл!

Григор развернул инфорк к Иллариону, крепко держа его. Илларион принялся суетливо бить по экрану, из-за чего держащая прибор рука Григора каждый раз дёргалась.

– Да что ж такое-то?! – вопросительно воскликнул Григор.

– Что-что! Я пеленг забыл отключить, нас сейчас наверняка видят наблюдатели Дома!

– И чем нам это грозит?

– Если б я знал, – мрачно ответил Илларион. – Всё, отключил! Будем надеяться, обойдётся. Возможно, нас не заметили.

– Так а что могло бы быть? – не унимался Григор.

– Не знаю. Может быть, отправили бы за нами оперативную группу.

Григор усмехнулся.

– За мелким трактором-то? Всё равно не уедет дальше, чем батарея позволит. Да и потеря невелика.

– Ну ты прав, пожалуй. Да и отправлять вооружённых людей куда-то наружу во время визита корпоратов тоже бы никто не стал. Могут неправильно понять.

– Ну тогда и успокойся, Лар, – Григор улыбнулся.

– Да, ты прав, пожалуй.

Трактор продолжал мчаться на юг на максимальной скорости. Слева раскинулась во всей широте своего течения Волга, и влаки не могли отвести от неё взгляда. Ещё никогда они не были так близко к великой реке. Конечно, днём, под синим небом, на ярком солнце Волга смотрелась куда внушительнее и прекраснее. Сейчас вода казалась тёмной, почти чёрной. Но сама мощь спокойного и уверенного течения завораживала. Илларион впал в лёгкое оцепенение. Но слова Григора, произнесённые куда более тихо, чем обычно, вернули его к реальности:

– Здорово, наверное, в ней искупаться.

Илларион посмотрел на него, но ничего не ответил. Да, в Доме были бассейны, и даже довольно большие, и все влаки умели плавать, но чтобы вот так, в открытой воде под открытым небом... В этой мысли было что-то мистическое, пугающее. Словно человек посягал на слияние с мощью вечной стихии. Такой могущественной, такой спокойной. Сколько народов, государств и цивилизаций помнила древняя река? Откуда они все пришли и куда исчезли? Куда исчезнет и Дом Волгоград, и все его обитатели, когда придёт срок?

– Какие-то странные мысли лезут ко мне в голову, – признался Илларион.

– Что, тоже захотелось искупаться?

– Да. Но я чувствую, что этого делать не следует.

– Я тоже. Расслабимся, потеряем время.

Илларион кивнул. Его опасения были совсем другими, но он не стал раскрывать их Григору.

– Удивительно, – проговорил Григор. – Эти люди, которые жили здесь до нас. До Второго Вавилонского. Они обладали удивительной мощью. Они построили на Волге шлюзы, водохранилища, гидроэлектростанции. Всё это цело до сих пор. А их уже нет. И мы смотрим на руины той могучей цивилизации и не понимаем, что ждёт нас.

Мысли Григора удивительным образом совпали с размышлениями Иллариона, но он не стал подливать масла в огонь:

– Да, Григ, их цивилизация быстро пала. Но мы, создав систему автономных Домов, сделали нашу цивилизацию куда более устойчивой.

– Да, и теперь мы живём, разделённые на касты, строго соблюдаем наши права и обязанности и очень жёстко регулируем численность населения, чтобы не перейти порога выживаемости Дома. А не думаешь ли ты, что мы просто боимся? Мы боимся, что снова кто-то придёт оттуда, сверху, и разбомбит нас, непонятно за что, – в голосе Григора послышалась ярость. – Мы разбежались по своим норам и боимся собраться все вместе. Всё ещё ждём удара с неба. И, Лар, самое главное: а не думаешь ли ты, что нас всё-таки победили и завоевали?

– Ну, нет, – ответил Илларион, но в своём тоне он сам не услышал уверенность.

– Такое нет, что скорее да, – с горькой усмешкой подытожил Григор. – Люди до Рухнувших небес были куда свободнее. Мы знаем об этом. Мы, влаки, знаем об этом наверняка. Не даром постоянно сидим в библиотеках.

– Вот уж не думал, что ты любитель посидеть в библиотеке, – заметил Илларион.

– Я обычно хожу туда либо очень рано утром, либо поздно ночью. Не хочу, чтоб мне мешали. И я много читаю о жизни простых людей ещё до той Катастрофы. Катастрофы... Ты понимаешь, Лар, мы называем войну против нас катастрофой. Мы делаем вид, что это было что-то стихийное. Естественное. Что случилась катастрофа, и она прошла. Но нет, Лар. Это была война. И мы не победили в ней, раз так стыдливо предпочитаем называть её катастрофой, а не войной.

– И давно ты носишь это в себе?

– Давно. Скажу честно, я боюсь говорить об этом в Доме. Если я прав, то о таких вещах нельзя упоминать вслух.

– Ты просто конспиролог, – осторожно ответил Илларион, но было уже поздно. Григор посеял зерно сомнения. У него самого в голове закрутились похожие мысли. Но Григор продолжал:

– Посмотри на нас, Лар. Мы не можем даже к Волге выйти, не нарушив какой-то закон! Орбита нашей планеты окутана тоннами металлических обломков, мы заперты на Земле. А ведь мы научились летать в космос чуть ли не двести лет назад! И ты прав, Лар, мы перестали писать песни. Мы сломлены и уничтожены. Нас загнали в резервации, как когда-то туда загоняли индейцев при колонизации Америки. Вопрос лишь в том, где наши колонизаторы, почему мы их не видим, – понизив тон, Григор замолчал и тяжело вздохнул. Илларион попытался было что-то ответить, но ему не удалось произнести ни слова.

– Мы даже не можем выйти к Волге, – мрачно повторил Григор. – К чёрту всё! Мне не важно, какая будет кара за наш проступок. Это не настоящий мир, это какая-то иллюзия, клетка. Люди не должны так жить. Не могут так жить.

Сказанное Григором снова задело самые тонкие струны в душе Иллариона. Неужели Григор тоже видит прошлую жизнь, и она кажется ему куда более реальной? Илларион колебался лишь секунду, прежде чем решил поделиться своей тайной с братом. В Доме он бы побоялся это делать, чтобы не решили, будто он сходит с ума, но здесь, под открытым небом, на этой старой дороге и рядом с великой рекой мир казался таким нереальным, таким свободным, что страх мигом покинул его.

– Знаешь, Григ, я должен тебе кое в чём признаться, – начал Илларион. Но договорить ему не удалось: трактор вдруг резко остановился, и оба влака едва не свалились на дорогу.

4. Старый Город

– Какого чёрта? – выругался Григор. – Почему мы остановились?

– Инфорк, быстро! – вместо ответа скомандовал Илларион. Григор протянул ему аппарат, и Илларион принялся что-то яростно выбивать на его экране. Рука Григора дёргалась каждый раз, когда Илларион касался экрана. С каждым мгновением выражение лица Иллариона становилось всё более и более мрачным.

– Нас взламывают! – наконец, сообщил он. – Кто-то пытается перехватить управление! Трактор включил блокировку.

– Это Дом? Наши? – уточнил Григор.

– Нет, наши бы просто установили контроль. Это именно взлом, – пояснил Илларион и убрал инфорк в карман. После чего взял оружие наизготовку и спрыгнул с подножки трактора.

– Где-то здесь должен быть ретранслятор, – пояснил он Григору. – Попробуй осмотреть окрестности со своей стороны с несколькими фильтрами. Я посмотрю с той стороны.

Но Григор едва успел надеть очки «Тик-Така», как Илларион уже сообщил, что нашёл ретранслятор.

– Вот он, погляди!

Григор повернул голову в сторону, куда указывал Илларион, но ничего не заметил.

– Тепловизор, – подсказал Илларион. Григор переключился в нужный режим, и теперь увидел в небе несколько ярких точек. Он сразу понял, что это такое: нагревшиеся от долгой работы двигателя коптера.

– Далековато, – отметил Григор.

– Не важно. Мы у него в прямой видимости, а уж радиосигналом он до нас легко добьёт.

– Ну теперь, я так полагаю, наша задача – добить до него?

– Верно.

Влаки подняли оружие. Несколько выстрелов – и коптер сбит. Стрелять в «Тик-Таке» было проще простого. Интегрированная система наведения оружия была столь совершенна, что с задачей справился бы и ребёнок.

– Пойдём найдём его? – предложил Григор. – Будет трофей.

Илларион оглянулся на трактор, потом снова повернулся к Григору.

– Мы не знаем, где затаился оператор этого коптера. В таких условиях идти было бы опрометчиво. Может быть засада.

– Ты думаешь, этот был управляемый? Не имин⁶?

– Может быть, управляемый. Но надеюсь, что имин. Потому что в ином случае нас засекли местные обитатели и уже могут готовиться устроить нам тёплый приём.

– Что ж, значит, дальше едем в состоянии боевой готовности, – заключил Григор. Илларион кивнул. Оба влака снова встали на подножки трактора, зацепились за скобы. Илларион достал инфорк, вручил его Григору, после чего запустил машину.

Илларион помнил, о чём хотел рассказать Григору несколько минут назад, но сейчас он предпочёл молчать и напряжённо вслушиваться в окружающую их ночь, ожидая уловить шум винтов очередного коптера в небе или любой другой подозрительный звук. Григор, убрав инфорк и развернувшись лицом по направлению движения, напряжённо вглядывался в темноту. Разговоры на этом полностью прекратились. Никто из влаков не признал бы этого вслух, но нападение невидимых хакеров сильно их напугало.

⁶ Имин – сокращение от «Имитационный интеллект»

Впереди показались первые полуразрушенные строения. Влаки въехали в пригороды Старого города. Илларион снова переключился не тепловизор и принялся искать в руинах следы наличия людей: тепло человеческих тел, обогревателей, двигателей, или, в конце концов, банальных костров.

– Чисто, – произнёс Илларион. Григор кивнул: похоже, он занимался тем же самым. Но несмотря на отсутствие видимой опасности, Илларион перехватил автомат так, чтобы в случае чего можно было открыть огонь.

Окрестности Волгограда уцелели достаточно хорошо. Тут не было каких-то важных стратегических объектов, и город не подвергался бомбардировке и артобстрелу, как например, Москва, по слухам полностью разграбленная и превращённая в пыль. Тем не менее, здесь случались локальные столкновения в ходе попыток бесчисленных бандитских группировок установить контроль над Волгой. Это было ещё до образования Корпорации, и теперь было даже и непонятно, добился ли кто-то успеха на этом пути, принёс ли контроль над рекой хоть кому-то какую-то пользу. Но на сегодняшний день Корпорация очень плотно обосновалась на всех торговых путях и не терпела присутствия ни чьих форпостов, кроме своих.

Официально Старый город считался покинутым (но были предположения, что люди всё ещё живут в нём). Дом Волгоград отстроили на новом месте, несколько севернее старого. Имя сохранилось, но никто не хотел заниматься расчисткой руин и старинных строений. Старый Город не пошёл даже на стройматериалы: несмотря на постигшую цивилизацию катастрофу, некоторые направления науки и инженерии получили бурное развитие как раз после падения прежнего мира. По этой причине, Дом Волгоград был отстроен по новым технологиям, с применением самых совершенных материалов.

Дорога на Старый Волгоград в основном тоже уцелела. Если не считать нескольких воронок от взрывов и естественного износа дорожного покрытия, она была в хорошем состоянии. Трактор был достаточно умён для того, чтобы самостоятельно объезжать значимые препятствия. Следить за дорогой не было необходимости, вокруг всё было тихо и спокойно, и постепенно влаки расслабились. Снова завязался разговор.

– Похоже, коптер всё же был с имином, – робко начал Григор.

– Да, похоже на то, – подтвердил Илларион.

– Иначе мы бы уже столкнулись с его оператором. И друзьями оператора.

– Согласен.

– Лар, а ты как думаешь, какая цель вообще вот так перехватывать трактора-беспилотники?

– Ну, я думаю, тут всё достаточно просто. Трактор может служить транспортом, а ещё его можно разобрать по запчастям. Двигатель, колёса. Батарея. Я слышал, что среди норгов⁷ батареи особенно ценятся. Правда, перезаряжать их они не умеют. Поэтому просто используют, пока батарея не сядет, а потом ищут новый беспилотник.

– Ну вот ты говоришь, батареи они перезаряжать не умеют, а способы перехватывать управление беспилотниками имеют. Странно как-то.

– Чаще всего они используют для этой цели как раз иминов, настроенных на подобные операции. Хотя не исключая, что среди них встречаются гении-самоучки либо же образованные люди, изгнанные из Домов.

– Но тот коптер наверняка подал сигнал бедствия перед тем, как мы его сбили. Так что впереди нас вполне может ждать тёплый приём, – предостерег Григор.

⁷ Норг – образовано от «неорганизованный». Так жители Домов называют людей, не принадлежащих к системе Домов. Норги имеют крайне низкий уровень жизни и, как правило, принадлежат к различным полубандитским формированиям (либо в качестве данников, либо в качестве бойцов или администрации).

– Вовсе не обязательно. Скорее даже, нет. Если это был имин, то он действовал в автономном режиме. И, скорее всего, он не был настроен на определение наличия людей. Ведь очевидно, что если рядом с трактором есть люди, то они не дадут так просто угнать свою машину.

– То есть местные жители не знают о том, что мы здесь?

– Скорее всего, они знают, что в направлении Старого Волгограда выехал трактор. Скорее всего, они уже знают о том, что связь с коптером потеряна. Возможно, они сделали из этого соответствующие выводы. Но я не думаю, что они знают, сколько нас и чем мы вооружены.

– Так разве проблема как раз не в этом? Вдруг решат, что на них нападают.

– Нападают на тракторе? Ну, Григ, это же просто смешно! Если бы мы выдвинулись в атаку, то тут бы были как минимум три багги. А вообще, зачем бы Дому соваться в Старый город?

– Ну мы ж зачем-то сунулись.

– Мы сунулись вопреки всему и в нарушение всего, – напомнил Илларион. – Военные так не поступают.

– Ладно, ты прав, пожалуй. Долго нам ещё ехать?

– А ты мне дай пока инфорк, – попросил Илларион. Григор сначала надел очки «Тик-Така», а потом протянул ему аппарат. Илларион сделал несколько нажатий на экран и ответил:

– Мы уже в границах Старого города.

– Это, конечно, здорово, но посмотри-ка вот-туда, – указав на противоположную сторону реки, проговорил Григор. Илларион поспешно убрал инфорк и также натянул очки. В инфракрасном диапазоне на той стороне виднелись несколько ярких пятен.

– Люди, – заключил Илларион. Григор кивнул.

Вспоминая этот случай в будущем, Илларион не смог дать себе ответа, почему в тот момент он повёл себя так спокойно. Ведь это едва не стоило им обоим жизни. Возможно, напряжение предыдущих минут, сразу после столкновения с коптером, настолько вымотало их, что сил на какую-то реакцию уже не осталось.

Илларион спокойно достал инфорк и протянул его Григору со словами: «Я думаю, нам надо немного отъехать с открытого пространства, нас может быть хорошо видно». Григор только кивнул. Илларион принялся вводить в инфорк новый курс, с объездом ряда руин, и именно в этот момент они попали под обстрел.

Первая пуля ударила в борт трактора, прямо рядом с Григором, и оба влака прекрасно это видели. Дальнейшее происходило словно в замедленной съёмке. Григор резко дёрнулся, инфорк вылетел из его руки. Илларион подался было вперёд, чтобы подхватить аппарат, но дотянуться до него не смог. В полёте инфорк начал оборачиваться вокруг своей оси, но упасть на землю он не успел. Следующая пуля разнесла его в щепки. В этот момент у обоих влаков, наконец, сработал инстинкт самосохранения. Уже понимая, что всё потеряно, Илларион спрыгнул с подножки. Григор последовал вслед за ним. За спиной раздались ещё несколько ударов, но куда именно попали пули, было неизвестно. Влаки плашмя растянулись на дороге. Илларион быстро проверил данные «Тик-Така». Костюм не показывал повреждений. Переключился на боевую частоту и запросил данные с костюма Григора – тот тоже показал, что всё в порядке.

Несколько пуль просвистели где-то в воздухе. Обстрел продолжался. Трактор по-прежнему ехал вперёд. Илларион и Григор уже отстреливались в том направлении, где были видны тепловые сигналы людей.

– Стой, – прошептал Илларион, но в боевом режиме «Тик-Така» Григор прекрасно услышал его. – Стреляют не по нам.

Действительно, ещё несколько пуль попали в трактор, одна прошла по касательной к корпусу и выбила сноп искр. Сами влаки, похоже, были неинтересны атакующим.

– Какого чёрта здесь происходит? – ошарашено спросил Григор.

– Даже не представляю, – честно признался Илларион. – Давай понизим до минимума теплоотдачу «Тик-Таков» и переждём.

Григор согласился, и влаки перевели костюмы в режим минимальной теплоотдачи. Некоторое время они просто лежали, не желая привлекать к себе внимание. Трактор успел уехать далеко вперёд, и теперь его было не догнать. Тепловые сигналы людей с той стороны реки исчезли. Похоже, стрелки ушли.

– Возможно, какая-то разборка между группировками норгов, – предположил Илларион.

– Нас приняли за норгов, хочешь сказать? – уточнил Григор.

– Вполне возможно. Это объясняло бы, почему напали именно на машину, а не на нас. Людей у норгов достаточно, а вот машин крайне мало, и они дают большие преимущества в бою.

– Надеюсь, что ты прав. Но дальше надо двигаться осторожнее.

– Ты всё ещё хочешь идти? – с усмешкой спросил Илларион.

– Ну разумеется. Пути назад уже нет. Если нас накажут за то, что мы покинули Дом, то накажут независимо от того, дойдём мы до планетария или нет.

– Ладно, вроде тихо. Пойдём, – Илларион поднялся первым. – И не забудь перевести костюм в нормальную теплоотдачу, а то сварись заживо.

– Хорошо. Может, используя мой инфорк, вернём трактор? – поднимаясь, предложил Григор.

– Не выйдет, – Илларион покачал головой. – В него не загружено приложение для управления беспилотниками.

Они продолжили путь, не выключая боевого режима «Тик-Таков», но отключив режим термомаскировки. Первым делом они ушли с дороги, скрывшись в руинах. Трактор успел уехать далеко вперёд, и Илларион корил себя за то, что он заранее не настроил инфорк Григора на управление машиной. Теперь, даже если бы они нашли трактор в конечной точке маршрута, запустить его в обратный путь не получилось бы.

Руины Волгограда были довольно чисты. Здесь не наблюдалось следов человеческой жизнедеятельности. Основная часть строений уцелела, разве что их двери и окна оказались выбиты. Нападения можно было ждать откуда угодно, но влаки периодически сканировали пространство тепловизором, и раз за разом не обнаруживали никаких тепловых сигналов: ни людей, ни костров. Похоже, что здесь не было даже одичавших животных. Собаки и кошки ушли в леса и степи уже очень давно, как только пали старые человеческие города. Зато сейчас город буквально утопал в зелени: старые парки и скверы заросли, и даже дома местами превратились в зелёные террасы.

Тем не менее, мёртвый город, глядящий на двух влаков пустыми глазницами своих окон, наводил жуткое впечатление. Если бы Илларион знал заранее, что такое оказаться ночью в городских руинах, он бы отказался от этой затеи. Но Казимир из его снов пошёл в покинутый город, а значит, и Илларион должен был сделать то же самое. Иллариона очень заботил вопрос, что же стало с Казимиром, удалось ли ему добраться до города и найти там те ответы, которые он искал, но во время бодрствования память не желала делиться с ним такими тайнами. Он очень надеялся, что увидит всё в следующем сне, но и тут не было гарантии. Уже очень давно Казимир не снился ему.

Илларион взял у Григора инфорк, чтобы свериться с маршрутом. До планетария оставалось ещё два часа пути.

– Интересно, как мы теперь будем добираться до Дома, – возвращая инфорк, вслух подумал Илларион.

– Пешком, конечно же, – ответил Григор.

– На обратном пути нам придётся переночевать здесь, иначе не дойдём.

– Да, и наше отсутствие непременно заметят.

– Ну как ты уже сказал, нам от этого не будет хуже. Всё равно ситуация с пропавшим трактором потребовала бы объяснений.

Они продолжили путь. На горизонте виднелись остатки монументального комплекса «Мамаев курган», и это лишний раз подтверждало, что влаки на верном пути. Илларион знал, что комплекс был построен по случаю победы в Последней войне государств, но сама суть войны была ему решительно непонятна. Огромные государства вели себя как настоящие бандиты, имея обширные пространства неосвоенной территории, они постоянно пытались отнять что-то у соседей. Дома так себя не вели. Установленная после Катастрофы система Домов была более сдержанной и мирной, и нельзя было представить такого, чтобы один Дом вдруг попытался завоевать территории другого. Что бы по этому поводу ни думал Григор.

От «Родины-матери» на Мамаевом кургане остались только ноги. В один из дней Рухнувших небес прямо на неё упал спутник. Обломки статуи разметало по окрестностям, и насколько было известно, куски железобетона до сих пор лежали на пустынных улицах, не привлекая внимания ни местных обитателей, ни заезжих мародёров. Сегодня остатки монумента служили памятником тщеславию некогда великих и безмерно самонадеянных государств. Конечно же, Иллариону хотелось прикоснуться к древности, понять, что двигало теми людьми, с каким чувством они возвели этот памятник и с каким чувством его потеряли. Но это было уже невозможно. И даже память прошлых жизней ни в чём не могла ему помочь.

И всё же Илларион предложил, указывая на Мамаев курган:

– Может, поднимемся?

– Нет, – Григор покачал головой. – Это будет надолго. А мы тут и так застряли.

Илларион согласился с его доводами. Нужно было помнить и о том, что надо вернуться в Дом в разумные сроки.

По мере приближения к центру города, застройка становилась всё плотнее и плотнее, а вот растений было всё меньше и меньше. Местами на улицах влакам попадались те самые обломки статуи, о которых ранее вспоминал Илларион. Сюда долетели только самые мелкие куски, в которых было трудно опознать какую-то конкретную деталь памятника. Влаки даже не отвлекались на эти следы катастрофы.

Старый Волгоград отличался длинными прямыми улицами. Инфорк Григора подсказал, что они вышли на проспект Ленина, по которому можно было почти до самого планетария. Однако сейчас так просто пройти по прямой было невозможно из-за образовавшихся местами завалов или же рукотворных, давно покинутых баррикад. Влаки предпочли не штурмовать эти препятствия, которые могли в любой момент начать осыпаться и разваливаться, а искать обходные пути. Конечно же, это замедляло их продвижение. Но порой они находили очень интересные следы былого во дворах.

За одним из поворотов они наткнулись на древний танк. Судя по всему, это был музейный экспонат. Кто-то восстановил его, поставил на ход и даже, видимо, повоевал на нём. Григор подтвердил догадки Иллариона:

– Ничего себе! Да это же ИС-3! Почти двести лет машине.

Илларион не успел произнести ни слова, а Григор уже оказался на броне танка, осматривая и ощупывая его.

– Этот ещё с толстенной бронёй, – поведал Григор. – Строился до массового распространения кумулятивных снарядов и динамической защиты. Судя по всему, успел повоевать здесь. Вижу следы попаданий.

– Но почему ты думаешь, что именно здесь?

– Эти танки строились под конец Последней войны государств, и повоевать в ней уже не успели. А потом их быстро заменили другими машинами, – объяснил Григор.

Люк танка был открыт, и Григор заглянул внутрь.

– Пусто вроде. Не хочешь заглянуть? – предложил он. Илларион только помотал головой. Ему не хотелось залезать в танк, поскольку он боялся того, что они могут там найти. В Доме смертей не видно. Люди уходят, их тела тут же отправляют на переработку. Близкие служат небольшую панихиду, и всё. Но что можно найти в боевой машине посреди заброшенного города – об этом Илларион боялся даже думать. Поэтому он одёрнул Григора и настоял на том, чтобы они как можно быстрее пошли дальше.

Григор бросил раздосадованный взгляд на танк, произнёс: «Интересно, а где же они нашли боеприпасы?», и направился вслед за Илларионом. Но при этом он и не думал умолкнуть.

– Это просто удивительно, как быстро наши древние предки достигли совершенства в своих боевых машинах. Лар, ты так не считаешь?

Илларион лишь мотнул головой, но Григор продолжил:

– Им понадобилось всего каких-то тридцать лет чтобы пройти от гробов на колёсиках к такой шикарной боевой машине, как ИС-3. И, хотя военная доктрина как раз в этот период резко изменилась, посмотри-ка, именно ИС-3 оказался востребован после Катастрофы! Минимум электроники, максимум надёжности – в итоге он был боеспособен там, где оказались никчёмными самые совершенные армии мира. А ведь на тот момент ему было уже глубоко за сотню лет!

Илларион кивнул. Обсуждать это вопрос ему по-прежнему не хотелось, но он всё же высказал своё мнение:

– Забавно, что танк, созданный для защиты государства, смог повоевать только после падения этого государства.

– Он долго ждал своей очереди и вот дождался, – дополнил Григор.

– Наши вещи долговечнее нас, увы, – заметил Илларион.

– Но именно для того, чтобы продлить себя, мы и изучаем историю, – напомнил Григор.

– Изучаем. Но только здесь я вдруг понял, как мало мы знаем. Мы, например, уже не помним ровным счётом ничего о Последней войне государств. Если мы попытаемся сравнить материальную культуру воевавших стран, то она окажется настолько сходной, что мы даже не сможем точно сказать, а были ли эти страны. А спустя каких-то пятьдесят лет всё сливается настолько сильно, что, если бы не различия в языке, мы бы вообще не поняли принадлежность тех или иных находок.

– Ну, что поделать? – Григор только пожал плечами.

Оставив танк далеко позади, они, наконец, вышли на прямой путь к планетарию. По-прежнему они не встретили никаких следов того, что в городе кто-то может жить. Старый Волгоград выглядел давно покинутым. И это было, с одной стороны, хорошо. Это успокаивало, не надо было хвататься за автомат при каждом шорохе. Но не было и шорохов. И это было странно. Город не подвергался ядерному или химическому заражению, а некоторые руины уцелели настолько, что в них можно было бы жить. Конечно, с юга наступала пустыня, но рядом было столько чистой воды, что сельское хозяйство можно было вести без особых проблем. Так почему же люди покинули город? У Иллариона не было ответа на этот вопрос.

– Мы дошли, – остановившись как вкопанный, неожиданно произнёс Григор. Илларион вынырнул из своих раздумий и проследил за взглядом собрата.

Внешне здание действительно уцелело. Но дверной проём планетария зиял чёрной пустотой. Двери были сорваны с петель, и то ли сгорели, то ли были утащены какими-то хозяйственными мародёрами. Григор включил интегрированные в «Тик-Так» фонари и шагнул внутрь здания. Илларион последовал за ним. Но не было нужды входить, чтобы понять, что они там увидят. Обычно многословный Григор молчал, и это означало только одно: он до крайности разочарован.

Илларион не ошибся в своём предположении. Их встретили лишь голые стены да обломки мебели на полу. На стене висели какие-то обрывки объявлений на русском, но Илла-

рион едва мог их прочитать, а смысла не смог понять вовсе. Влаки прошли дальше, обошли несколько помещений. Но всё оказалось тщетно. Сложнейшие механизмы были с корнем вырваны. Всё, что можно было унести, было утащено; всё, что унести нельзя, было сломано или разбито.

И в этот момент Григора прорвало. Громко и не стесняясь в выражениях, он принялся бранить тех, кто уничтожил такой великолепный памятник человеческой науке, кто наверняка не смог бы всё равно приспособить все эти механизмы для какого-либо стоящего дела. Потом он перешёл на всех их родственников, начиная с матерей и заканчивая детьми вплоть до седьмого колена. Потом досталось и той цивилизации, которая не смогла сохранить ничего из своих достижений. В этот день, невольно слушая Григора, Илларион существенно обогатил свой словарный запас.

Наконец, Григор выговорился.

– Давай домой, а? – бросил он, и не дожидаясь ответа, пошёл к выходу.

5. Обратный путь

Выйдя вслед за Григором из планетария, Илларион остановился.

– Григ, надо решить, что делать дальше. Идём домой прямо сейчас или переночуем?

– Если пойдём прямо сейчас, то всё равно где-то упадём от усталости.

– А если переночуем, то идти придётся днём, по жаре в тридцать пять градусов.

– Да, уж, Лар, перспективка...

Влаки никогда не ходили пешком на большие расстояния в принципе. В Доме попросту некуда ходить, разве что прогуливаться. Тем более им никогда не доводилось оказываться под палящим солнцем на протяжении десяти-двенадцати часов. И у Иллариона, и у Григора были большие сомнения в том, что они выдержат. Особенно если учесть тридцатикилограммовые боевые костюмы.

– Не дойдём мы днём, – вздохнув, Григор вслух высказал свои опасения.

– Значит, мы должны идти ночью, а ложиться спать днём. Если пойдём по тому же самому маршруту, по которому пришли, то скорее всего, с нами всё будет в порядке. Следов людей мы тут не обнаружили.

– Да, но странно, что мы не нашли и наш уехавший трактор, – вспомнил Григор. – Разве он не должен был прибыть сюда, к планетарию?

– Да, должен был. Но могло случиться что угодно. Он мог упереться в баррикады, завалы, или перевернуться в какой-нибудь яме на дороге. А ещё в него несколько раз попали и могли повредить навигационные модули. В конце концов, его могли просто угнать, как едва не угнали прямо с нами.

– Так или иначе, транспорта у нас больше нет.

Илларион кивнул.

– Тогда пошли назад прямо сейчас, Лар. А там где-нибудь переночуем.

Влаки направились в обратный путь. Григор молчал, сжимал в руках автомат и при том почти не смотрел по сторонам. Было очевидно, что увиденное в планетарии выбило его из колеи. Но он даже не хотел это обсудить. Возможно, считал себя виноватым в том, что рискнул своей головой сам и вытащил с собой Иллариона только ради того, чтобы увидеть пустые стены.

А вот Илларион, в то же время, наоборот почувствовал небывалую лёгкость. Да, пускай они не нашли работающих механизмов планетария. Но ему казалось, что он нашёл что-то другое. Он нашёл ответ на свою жизнь. И уже не было так уж важно, что ждёт их по возвращении. Илларион понял, что ему не место в Доме. Дом давил на него со всех сторон, давил высоким зданием доминиона, давил крепостными стенами, обрядами, церемониальными одежаниями, обычаями и правилами. Здесь, в Старом городе, он стал свободен. Он ощутил вдруг всю тщетность бытия, всю тщетность попыток построить «правильный» мир, каким бы красивым и чистым он не казался. У людей, построивших Старый Волгоград, всё тоже было красиво и чисто. При том они были куда свободнее нынешних обитателей Домов. Но сгнули без следа. Так стоит ли отдавать свою жизнь во власть написанных и придуманных другими людьми правил? Ведь пройдёт сотня-другая лет, и не останется ни этих людей, ни их правил, а крупницы сведений о них потомки будут извлекать из истлевших обрывков газет и книжных страниц, а может быть, если повезёт, из обломков кристаллов памяти, но сути вопроса это не изменит.

А какой здесь был воздух! Илларион чувствовал, что до этого он никогда и не дышал. Территория вокруг Дома была зачищена: ни деревьев, ни дикорастущих трав и цветов. Только сельхозугодья. И совсем другой запах.

А ведь было ещё и ощущение опасности. То, чего лишён был Илларион, но с чем всю жизнь прожил Казимир. То, что Илларион мог ощутить только во снах. Ощущение опасно-

сти предавало остроту жизни. Сейчас, пройдя через самый настоящий обстрел, Илларион был уверен, что легко справится с любой трудностью в жизни. Да даже и тот путь, что им теперь нужно было проделать, не внушал ему страха.

И неожиданно для себя Илларион сделал открытие, осознав, что ощущение страха и ощущение опасности – это разные чувства. Страх ему доводилось чувствовать и в Доме. Страх парализовывал и требовал прятаться. С опасностью было по-другому. Она заставляла действовать. Активнее вглядываться, вслушиваться. Метко стрелять. А ещё в этом был какой-то элемент игры. Не страшно было и проиграть более опытному противнику.

Илларион одёрнул себя: откуда в его голове взялись такие странные мысли? Но перед глазами появился образ Казимира с запрещённой сигарой, и Илларион улыбнулся. Григор, в этот момент обернувшийся посмотреть, как там собрат, заметил это:

– Лар, ты чего улыбаешься? – ошарашенно спросил Григор.

– Ну не рыдать же, – отшутился Илларион и едва не рассмеялся.

– Кислородное отравление у тебя, похоже, – поставил диагноз Григор.

– Спасибо, доктор, – Илларион поклонился, и в этот момент уже не смог удержаться от смеха.

– Если ты собрался съезжать с катушек, то давай подождём до Дома, – совершенно серьёзно произнёс Григор.

– Хорошо, Григ, хорошо. Беру себя в руки, – Илларион вдруг подумал, что его собрату сейчас очень тяжело, и надо оказать ему поддержку, а не вгонять его в ещё больший диссонанс между ожиданиями и действительностью. – Я вдруг просто подумал, как здорово, что мы выбрались сюда. Это величайшее событие всей нашей жизни. Не важно, что мы тут нашли. Мы сделали то, что не позволял себе никто.

– Мы теперь отступники, и я не могу тебе гарантировать, что нас не будут судить. Мой первоначальный план провалился. Я думал вернуться в ту же ночь, и тогда мы могли бы прошмыгнуть незаметно. А сейчас выходит, что наше отсутствие будет замечено. Они всё поймут. Прости, – на последнем слове Григор понизил голос. Но Илларион подошёл ближе, хлопнул его по плечу, и глядя прямо ему в глаза, проговорил:

– Григ, всё в порядке. Это было и моё решение тоже. Мы решили идти вместе. Мне это было нужно не меньше, чем тебе. Так что, если у нашего решения и будут какие-то последствия, мы примем их вместе.

– Спасибо, – с лёгкой улыбкой ответил Григор и отвёл взгляд. – Мне стало легче, – он вздохнул. – Давай, идём.

– Идём, конечно же!

Они снова прошли мимо стоящего посреди улицы танка, снова встретили обломки некогда величественной статуи на своём пути. Вокруг было всё так же тихо и пустынно. Однообразие маршрута начало утомлять Иллариона, притупило его внимание. Давала о себе знать и усталость. Вдобавок к этому, с каждым шагом стало всё труднее и труднее передвигать ноги.

– Нам бы где переночевать, – предложил Илларион.

– Какой ночевать, Лар, солнце уже на восходе! – пошутил Григор. Илларион улыбнулся: он был рад слышать, что собрат не потерял всё-таки присутствия духа.

– Лечь где-нибудь поспать, – поправился Илларион.

– Думаешь, уже пора?

– Думаю. Я чувствую, что теряю концентрацию. Ноги уже еле шевелятся, Григ.

– Я бы предложил лечь спать, когда станет жарко. Так мы сэкономим кучу времени по пути назад.

– Григ, я боюсь, что к тому моменту мы выйдем в пригород, где не будет такого богатого выбора строений, в которых можно было бы прикорнуть. Так что лучше нам это сделать прямо здесь.

Григор оглянулся по сторонам.

– Пожалуй, Лар, ты прав. Давай вон туда пойдём, – и Григор указал на один из домов, внешне ничем не выделяющийся на фоне окружающих его строений. Илларион уже настолько устал, что даже не стал уточнять, почему Григор выбрал именно этот дом, а не какой-то другой.

Они вошли в открытый дверной проём, поднялись по древней лестнице на самый верх. Здание выглядело крепким несмотря на все годы, прошедшие здесь без людей, под солнцем, дождём, ветром и снегом. Илларион подсознательно ожидал увидеть здесь какие-то следы человеческого проживания, оставленные уже после Катастрофы. Но в здании было пусто и чисто, если не считать облупившейся краски и местами отвалившихся кусков штукатурки. Похоже, мародёры поорудовали здесь на славу. Влаки заглянули в несколько комнат, и не нашли там ничего, кроме голых стен.

– Что ж, оно и к лучшему, – неопределённо произнёс Григор. Илларион только кивнул.

Они выбрали одну из комнат без окон, поэтому можно было не опасаться, что солнце их потревожит. Судя по остаткам труб, выходящим из пола, здесь некогда был санузел. Сейчас же здесь было то место, где можно было спокойно переночевать. Сами трубы, двери, ванна и прочие предметы быта были отсюда давным-давно утащены. Кафельная плитка на полу довольно хорошо сохранилась, лишь в нескольких местах она была разбита, но опасности для здоровья влаков это не представляло.

– Что, вместе упадём или по очереди будем спать? – спросил Григор.

– Мы не встретили здесь ни души, ни следа человеческого присутствия, – напомнил Илларион. – Думаю, нам некого опасаться.

Григор кивнул. Оба влака засыпали на ходу, но «Тик-Так» мог перейти в режим ночной вахты, в котором он ни за что не дал бы своему владельцу уснуть. Проверять на себе эффективность боевого костюма в этом качестве не хотелось никому.

– Будет жестковато, – заключил Григор.

– Да всё равно, лишь бы упасть да поспать, – Илларион махнул рукой. Первым он и улёгся. Кафельная плитка на полу наверняка была прохладной, но термозащита «Тик-Така» почувствовать этого не дала. И это было существенным плюсом боевого костюма.

Григор улёгся рядом. Илларион закрыл глаза, но Григор вдруг тихо заговорил:

– Как ты думаешь, куда всё делось?

– Утащили в свои новые жилища, – не желая вдаваться в подробности и продолжать диалог, ответил Илларион.

– Абсолютно всё утащили, до последнего табурета, до последней кружки. Кто-то здорово обогатился.

– Григ, ты спать собираешься вообще? – пробурчал Илларион.

– Собираюсь. Не могу. Всё тело гудит. Не припоминаю такого чувства вообще, – стоило Григору сказать это, как Илларион вдруг почувствовал то же самое.

– Спасибо, Григ, ты и мне весь сон испортил, – не преминул отметить Илларион.

– Ну что тут теперь поделаешь, – спокойно ответил Григор. – А ты заметил, какие у них интересные жилища? Много комнат, просторно, даже свой санузел есть!

– Неужели это для тебя открытие?

– Нет, открытие не в этом, – Григор вздохнул. – Открытие в том, что мы всё-таки проиграла.

– Ты опять про свои теории заговора.

– Да, про них. И не пытайся мне здесь и сейчас сказать, что не чувствуешь того же самого.

Илларион задумался. Да, он уже давно начал ощущать этот недостаток свободы, и в этом был вполне согласен с Григором. Однако же он никогда не рассматривал эту ситуацию с цивилизационной точки зрения. Григор же настаивал как раз на том, что свободы лишили целую цивилизацию, хотя он почти и не говорил этого вслух.

Не дождавшись от Иллариона ответа, Григор продолжил развивать свою мысль:

– Почти одиннадцать миллиардов на момент Катастрофы. Таковы официальные данные ООН, которыми мы располагаем. А знаешь, сколько нас сейчас? Миллиард. Десять человек из одиннадцати выкосила Катастрофа. Этого не могла сделать ранее ни одна самая кровавая война.

– Но есть основания полагать, что государства манипулировали сведениями о численности населения, – напомнил Илларион. – Они специально завышали данные, чтобы казаться своим соседям более мощными, более опасными.

– Лар, да ты в этом сам-то веришь? Вокруг посмотри.

Илларион действительно уже и сам не верил. Просто раньше вся эта математика в сфере народонаселения его не заботила вовсе. Сейчас же, здесь, в руинах Старого Волгограда, он начал понимать масштаб поразившего человечество бедствия.

– Хочешь сказать, в Старом городе никого нет, потому что людей вовсе почти не осталось? – Илларион произнёс догадку вслух.

– Именно. Нас вместе с населением хоры что-то за двести тысяч. Вот тебе и одна одиннадцатая от населения Старого Города. Некому селиться в руинах Волгограда, просто некому, Лар. Так что, – Григор усмехнулся. – Можем спокойно засыпать, никто нас тут не потревожит.

– Да уж ты сделал всё, чтобы нам получше спалось, – недовольно отметил Илларион.

– Ну раз так, то можем обсудить, кому именно мы проиграли войну и где наши хозяева, – предложил новую тему Григор. Илларион отвечать не собирался, но Григора уже было не останавливать. – Я думаю, ты не будешь говорить, будто мы, влаки, владеем этим миром. Мы всего лишь администраторы Домов. Высшие из слуг. С самой сложной и ответственной работой. И потому мы самые несвободные. Все наши помыслы должны быть связаны с благополучием Дома, потому мы не должны тратить свои силы на то, что происходит за пределами Домов. Но где же настоящие хозяева?

– Так и где же? – поддался искушению спросить Илларион, и тут же пожалел об этом.

– Я думаю, в Корпорации.

– Что? – Илларион даже подскочил.

– Ну сам посмотри. Кто связывает между собой все Дома? Благодаря кому мы вообще живём, кто доставляет нам товары из других Домов? Это именно Корпорация. Корпорация – основа системы Домов.

– Но разве Корпорация не создана Домами? Разве Дома не владеют акциями Корпорации?

– Владеют. Но что это даёт нам? Мы ничего не знаем о корпоратах. Где находятся их склады, перевалочные базы, где живут их сотрудники, в конце концов. Я повторю это ещё раз. Не Дома создали Корпорацию, а совсем наоборот. Корпорация создала Дома.

Григор замолчал. В голове Иллариона началась суматошная работа мысли. Он пытался сопоставить факты, найти подтверждение или опровержение тому, что говорил Григор, сделать какие-то выводы. А Григор, похоже, выговорился и успокоился:

– Хороших снов, – произнёс он и повернулся спиной к Иллариону. Илларион же вначале подумал о том, что он не даст Григору вот так просто взбаламутить воду и уснуть, а потом подумал о том, всё-таки надо поспать, и лучше уж не заводить разговор по новой.

На улице пели птицы, их было хорошо слышно и в заброшенной квартире. Похоже, птицы нашли, чем заняться в покинутом людьми городе. Впрочем, им было легко. Они могли в любой момент улететь.

А вот Иллариону сейчас было настолько тяжело, что он не был уверен в том, сможет ли когда-нибудь вообще встать. Мышцы по всему телу болели. Болели даже те мышцы, о существовании которых Илларион прежде никогда не знал.

Илларион закрыл глаза, но сон всё никак не шёл к нему. Он пробовал повернуться на один бок, на другой, но ничего не помогало. А потом зазвонил телефон.

Казимир открыл глаза, протянул руку к смартфону. Да, это Джонни названивал.

– Ты чего, до сих пор спишь? Забыл, каких гостей мы сегодня ждём? – раздался в трубке голос напарника.

– Забыл будильник поставить, то ли не услышал, – ответил Казимир. – Мне какая-то чушь сегодня снилась. Какие-то руины, разговоры о том, что все люди вымерли. И о Корпорации. Плохо спал, короче.

– Ну понятно всё, первый визит Корпорации, у нас тут и так все как на иголках. Ты костюм-то не посеял? Я второй такой не достану. А сегодня надо быть на церемонии! Давай, быстро приводи себя в порядок, а я тебя жду внизу.

Раздались гудки. Казимир с ворчанием слез с кровати, поглядел на себя в зеркало. Да, вид ужасный. Борода растрепалась. Хорошо вчера погулял. Вздохнув, Казимир принялся заплетать бороду в ставшие его визитной карточкой «шумерские» косы.

Джон раздобыл для них где-то два костюма, напоминающих военную форму, но таковой не являющихся. И всё же теперь надо было выглядеть соответствующе, опрятно. Попутно он подумал о том, что его борода будет странно смотреться на фоне подобного костюма. Но что поделать, не сбривать же. Тем более ради разовой подработки.

Вообще это был маскарад. Нужно было показать Корпорации, что под куполом достаточно людей, готовых держать оружие. Это на случай, чтобы боевики Корпорации не попытались предпринять никаких агрессивных действий. Самого оружия, впрочем, ряженым не выдавали. Ну да ладно, у Казимира было своё, раритетное, коллекционное. И он не собирался сегодня идти на встречу с пустыми руками.

Странный сон только укрепил решимость Казимира пойти вооружённым. Идея сотрудничества с Корпорацией никогда ему и не нравилась. О готовящемся подписании контракта он узнал от людей, с кем познакомился ещё в годы службы в полиции. Такого рода информация не была всеобщим достоянием, и рядовые жители города в общем-то плохо представляли, кто к ним сегодня пожалует и зачем.

Закончив с бородой, Казимир возблагодарил Бога за лысину. Разбираться ещё и с причёской сейчас было бы слишком. И так каждое движение давалось с трудом. Впрочем, его утешало сейчас знание того, что он в городе не один такой. В эти годы постоянных вулканических извержений, отсутствия нормального солнца и свежего воздуха очень многие по вечерам только тем и занимались, что основательно закладывали за воротник. Нормального алкоголя, правда, уже давно не было. Не приходилось и мечтать о виски, пиве или вине. Благородные напитки сгнили в прошлом вместе с пашнями и виноградниками. А подпольные лаборатории гнали какую-то синтетическую гадость из опилок и объедков, но за неимением ничего лучшего, и это пошло находило своего потребителя. Конечно, голова потом от такой дряни основательно болела. Но гнать откровенную отраву никто не отваживался, потому что знал, что за каждую смерть под куполом придётся ответить сполна.

Казимир надел присланный Джоном костюм, посмотрел на себя в зеркало. Да, Казимир выглядел идеально. Одним своим видом он мог внушать ужас врагам города. Грозный образ довершила кобура с револьвером сорок пятого калибра. Казимир счёл, что он готов, и вышел из комнаты.

В назначенном месте его ждал Джон и ещё с десятков таких же, как он, липовых ополченцев. Некоторые были даже вооружены. Кто-то открыто демонстрировал оружие, кто-то пытался скрыть его наличие, но намётанным глаз бывшего полицейского не оставлял им шансов.

– Прекрасно выглядишь, Каззи, – Джон с улыбкой похлопал его по плечу. Казимир ответил уничтожающим всё живое взглядом. Джон лишь улыбнулся ещё шире. – Давайте, за мной!

Джон провёл их в большой зал, где уже находились настоящие военные, полицейские и чиновники. Тут же к Джону подбежал какой-то местный служащий и начал объяснять, куда должна встать его команда.

– Ополченцев мы разместим здесь, – услышал Казимир.

– В самом конце? Да ты посмотри, какие у меня отборные бойцы! Они же сразу покажут любой Корпорации, что с нами шутки плохи! – спорил Джон. Но спорить было бесполезно. Протокольная служба уже расписала, кто, как и где должен стоять. Джону пришлось смириться.

Ополченцы встали в два ряда у стен в самом конце зала. Джон прошёлся туда и сюда, чтобы проверить, что всё в порядке. Когда он поравнялся с Казимиром, тот бросил: «Джонни ты аферист». Джон лишь улыбнулся и развёл руками.

– Надеюсь, нам заплатят? – продолжил Казимир. Джон воровато оглянулся по сторонам и подошёл поближе к Казимиру.

– Да, не переживай, – произнёс он.

– Я не за себя переживаю. Ты знаешь, что тут половина ребят вооружена?

– Ах, ну, это... Ополчение же! – Джон махнул рукой.

– Ладно. Скажу лишь тебе, что мне вся эта затея с Корпорацией не нравится. Я сегодня видел очень странный сон...

– Про сны потом расскажешь, – прервал Джон Казимира. – Ты чуть не опоздал, у нас тут уже всё начинается!

Заиграл гимн города. Открылись ворота шлюзовой камеры. В зал вошли пятеро, все в плотно прилегающих газовых масках. «Ну здесь-то они могли бы их снять», – подумал Казимир. Трое из гостей были в гражданской, но вычурной одежде: расшитые плащи, перстни на пальцах прямо поверх защитных перчаток, старомодные, но дорогие шляпы. Двое других были одеты куда скромнее, но внушительнее: отполированные до блеска чёрные доспехи, закрывающие всю голову шлемы и автоматическое оружие в руках. И хотя в случае заварушки соотношение сил в зале было бы сто к двум, Казимир поставил бы, пожалуй, именно на этих ребят в чёрном. «Наши новые хозяева явились», – словно со стороны пришла мысль к Казимиру.

– Лар, солнце уже клонится к закату, – сквозь сон услышал Илларион. Он открыл глаза и увидел стоящего перед ним Григора. Попытался подняться сам и тут же со стоном упал.

– Что, тяжело? – Григор ухмыльнулся. – Всё тело как будто дубинами неделю лупасили?

– Точно сказал, – согласился Илларион. – Ты сам-то как встал?

– Вколол обезболивающее. Сейчас у нас нет времени на то, чтобы мучиться болью.

– А, точно, – согласился Илларион и отдал команду боевому костюму произвести инъекцию. Пока же обезболивающее не успело подействовать, Илларион решил поделиться тем, что увидел во сне:

– Григ, ты прав насчёт Корпорации. Она не создана Домами, и поначалу воспринималась как враг. А теперь прибрала к рукам всю власть.

– И откуда вдруг у тебя такие мысли? – поинтересовался Григор.

– Увидел во сне. Григ, я должен признаться тебе кое в чём. Я вижу во снах одну из своих прошлых жизней.

– Одну из жизней, говоришь?

– Да. Парня зовут Казимир, он живёт в странном Доме под куполом, а снаружи постоянно валит снег, который не снег на самом деле.

– Ага, североамериканский вулканический кризис, – задумчиво произнёс Григор.

– Ты тоже? – с надеждой спросил Илларион. – Ты тоже видишь такие сны?

– Нет, Лар. Не вижу. И тебе бы не советовал. Это может быть крайне опасно для владков.

– Опасно? Но почему?

– У прошлого нет своей жизненной энергии. Она есть только у настоящего. Но прошлое тоже хочет жить, а потому будет отбирать энергию у настоящего. Не запутайся, помни, где твоя жизнь, а где всего лишь сон.

– Григ, ты иногда меня поражаешь своими словами. То ты ведёшь себя как полнейший разгильдяй, то вдруг начинаешь вещать, как мудрец.

– Что есть, то есть. Я вижу больше, чем окружающие, Лар. Даже больше, чем ты. Не обижайся. Но я не могу показывать это всем в Доме. Тогда со мной разберутся быстро и неотвратимо.

– А вот теперь ты меня пугаешь. Так, похоже, я готов встать. Помоги, а? – Григор протянул Иллариону руку, и тот поднялся. – Григ, я хотел спросить тебя, откуда ты знаешь всё это про Корпорацию и почему считаешь, что Катастрофа окончилась проигрышем в войне. Но ты и так мне сейчас на это ответил.

– Ну, теперь я надеюсь, что ты меня не сдашь. А если и сдашь, то нас будут судить вместе, – Григор рассмеялся. – Я вообще тебя вытащил в Старый город специально для того, чтобы дискредитировать. Ты единственный из всего Дома, кто мог бы меня раскусить

– Зачем бы мне это делать? – недоумённо спросил Илларион.

– Наверное, я уже начал паранойить, – ответил Григор.

– Не ты один, Григ, не ты один. Я уже тоже близок к тому, чтобы признать, что начинаю сходить с ума. Сегодня сон про Казимира был куда необычнее, чем раньше. Сегодня мне приснилось, что я сам – чужой сон. Казимир видел нас с тобой в своём сне. И помнил наши разговоры о Корпорации.

– Ну, Лар, сны – это всего лишь сны. И давай оставим им право быть снами. Пошли, нам надо выбираться отсюда. Обезболивающего у нас не так много, и будет крайне обидно, если на полпути домой мы упадём на землю, не в силах больше пошевелиться.

– Пойдём, – Илларион согласно кивнул.

6. Возвращение

Путь к Дому оказался куда тяжелее, чем предполагали влаки. Оставалось ещё около десяти километров пути, когда Илларион понял, что больше не может идти. Вообще. Ноги не двигались, всё тело сковало болью, и ему казалось, что он вот-вот рухнет плашмя на землю. Вновь он отдал приказ вколоть очередную порцию болеутоляющего и стимулятора. Вновь в ушах раздался резкий звук, а за глазами полыхнуло красным – это «Тик-Так» подключился к нейроинтерфейсу, чтобы предупредить хозяина об опасности злоупотребления специальными препаратами. Илларион попытался выругаться. От боли свело челюсть, и он не смог произнести ни звука. В следующее мгновение он упал. Григор держался чуть лучше, но и его хватило лишь на два шага.

Мрачное подземелье города под куполом никогда не было гостеприимным местом, но во все времена здесь обитали те, кому не нашлось места в чистом верхнем мире. Здесь процветали наркомания и работорговля, азартные игры и проституция. Иногда нижний мир врывался в верхний, и тогда жертвы исчислялись десятками.

Казимир по долгу службы видел древние чертежи этого места и знал, что сейчас находится в бомбоубежище, построенном на случай атомной войны. Атомной войны не случилось, но убежище сыграло свою роль в спасении человеческих жизней. Строго по подготовленному чуть ли не сотню лет назад плану, после того как на поверхности прекратились боевые действия, укрывшимся в бункере людям даже удалось построить над ним модульный город под защитным куполом. Но почему-то места в новом городе хватило не для всех. Кто-то остался жить там, внизу, продолжая поддерживать в более-менее приемлемом состоянии системы жизнеобеспечения и потребляя припасённые с избытком ресурсы. Ядерный реактор, питающий «верхний» город энергией, оставался где-то там, на немыслимой глубине, был хорошо запечатан и одинаково далёк как от жителей купола, так и от жителей подземелья. Но время от времени инженеры с поверхности в сопровождении хорошо вооружённой охраны всё же спускались вниз чтобы проверить состояние этого истинного сердца города.

После каждого налёта подземных жителей на поверхность в который раз раздавались призывы вычистить бункер, но они всегда оставались неудовлетворёнными. Люди образованные вспоминали Герберта Уэллса и говорили о том, что противостояние элоев и морлоков стало реальностью в их годы. Но Казимир хорошо понимал, что жители поверхности совсем не похожи на прекрасных элоев, а жители подземелья далеки от образа ужасных морлоков. Знал он и о том, что все налёты подземников на поверхность не могли бы осуществиться без покровительства некоторых высших лиц города. К сожалению, даже среди руководителей полиции находились те, кто был не прочь купить пару-другую рабынь из неучтённого населения, с которыми потом можно было творить что угодно, хоть пустить на мясной фарш. И Казимир знал, что такие случаи действительно были.

В самом начале вечного противостояния подземников и наземников, население бункера попытались вытравить газом. Оказалось, что с поверхности этого сделать невозможно, поскольку убежище было построено на славу и его система очистки воздуха работала идеально. Несколько раз наземники пытались проводить военные операции против подземников, но дальше пары этажей продвинуться им не удавалось. Убежище хранило свои секреты, и никто не знал, что творится на девяти его подземных уровнях, которые впечатлительные люди сразу же сравнили с девятью кругами Ада.

Казимир в составе полицейской группы зачистки должен был пробить проход к шахте лифта, ведущей прямо вниз, к реактору. В лифт невозможно было проникнуть без специального ключа, и по крайне благоприятному стечению обстоятельств, единственный уцелевший

ключ оказался в руках наземников. Но подземникам никогда не нравилось, что по их бункеру ходят те, кто навсегда лишил их возможности выйти на свет божий, поэтому периодические экспедиции к реактору редко заканчивались без крови.

Как только внешний люк бункера был открыт, Казимир и пятеро его сослуживцев прыгнули внутрь. Освещение в этой части убежища было разрушено давным-давно, ещё в ходе первых столкновений, поэтому все шестеро сразу включили фонари. Здесь было чисто. Обжитые помещения начинались чуть дальше. Убедившись, что поблизости нет засады, первая группа зачистки дала команду второй группе на вход.

Пройдя через несколько коридоров, полицейские, наконец, вышли в обитаемые помещения. Местные предпочли сразу же убраться с их пути и в спешке побросали все свои вещи. Здесь, в коридорах у самого входа, жили самые нищие из подземников – те, кому не хватило места в нормальных комнатах и казармах. Тусклый свет обеспечивали всего несколько лампочек, переживших все столкновения последних лет. Сослуживцы Казимира с интересом разглядывали грязные лежаки, миски с остатками еды, самодельные кальяны и курительные трубки. Сам Казимир предпочёл быть сосредоточенным и готовым к нападению. Можно было бы ожидать здесь страшной вони, но система вентиляции работала великолепно.

Убежище не строилось с расчётом на то, что в нём будут происходить бои. Основной коридор, который вёл к нужному лифту, многократно пересекался другими коридорами и был идеальным местом для засады. Несколько раз наземники пытались полностью изолировать боковые коридоры, но подземники пробивали их раз за разом. Чего-чего, а оружия у них было с избытком. Поговаривали, что где-то на глубине есть огромные арсеналы, заготовленные на случай Третьей мировой войны, и они могли бы расходоваться ещё не одну сотню лет.

В этот раз до самого лифта было тихо. Боковые коридоры были пусты, и отправленные на их проверку разведчики вернулись вскорости в целостности и сохранности. Казимиру не нравилась такая показная тишина. Тем не менее, группа Казимира благополучно заняла оборонительные позиции возле лифта. Несколько наземников-связистов редкой цепочкой выстроились вдоль всего пути следования чтобы обеспечить ретрансляцию радиосигналов внутри коридора. Старший группы подал сообщение, что всё чисто. В бункер вошли техспецы. Они благополучно прошли весь путь, вошли в лифт и отправились к реактору. С ними отправились и двое охранников.

Но едва закрылись двери лифта, как Казимир услышал по радио сигнал бедствия от одного из наблюдателей в боковом коридоре. Группа приготовилась отражать нападение, но такого нападения, как они ждали, попросту не было. В мрачном свете коридора что-то полыхнуло, и Казимир далеко не сразу понял, с чем они имеют дело. Уже через минуту коридор пылал. Его забросали бутылками с зажигательной смесью, тем самым отрезав наземникам путь назад. Всё ближе и ближе раздавался звон битого стекла, всё ближе и ближе подступал огонь. Бежать было некуда.

Кто-то бешено орал по радио, что им срочно нужна помощь. Казимир оглянулся назад. Единственное спасение – лифт, но его двери были закрыты, а ключ уехал вниз вместе с техспецами. Неожиданно Казимиру пришла в голову мысль, что если основной коридор забросали бутылками с зажигательной смесью из боковых ответвлений, то эти ответвления, скорее всего, не поджигались.

– Быстро, в ближайший боковой ход! – скомандовал Казимир, проверил на лице газовую маску и ринулся вперёд. Группа последовала за ним, хотя он и не имел права отдавать приказы.

Дальнейшее Казимир помнил весьма смутно. Прыжок через плотную стену огня; жар, боль; какие-то люди с воплями разбегаются; раздаются выстрелы со всех сторон, Казимир тоже начинает стрелять; странные толчки куда-то в плечо и в грудь; вдруг сзади раздаётся страшное шипение, коридор заволакивает белой пеленой, пожар утихает. Казимир находит себя стоящим

с разряженный автоматом в руках. Слышит какой-то странный сипящий звук и понимает, что это его дыхание. Рядом лежат тела. Двое из его группы и человек десять из местных жителей.

– Это дети, что ли? – раздаётся чей-то неуверенный голос. Казимир смотрит вниз и без всяких эмоций отмечает: да, дети. Подростки. У некоторых в руках всё ещё зажаты пистолет-пулемёты. Чуть поодаль стоит ящик, полный коктейлей Молотова. Вдруг ящик резко подскакивает вверх, потолок и пол меняются местами, и Казимир теряет сознание.

Рассвет уже вступал в свои права, когда патруль Корпорации обнаружил двух жителей Дома, лежащих посреди древней дороги. Они были живы, но в состоянии ужасного истощения, поэтому корпораты спешно доставили их в свой полевой госпиталь. Больше суток жители Дома спали. А когда, наконец, проснулись, были крайне удивлены тем, где они оказались.

Илларион с трудом пошевелил головой. Вместе с Григором они лежали на больничных койках, недалеко друг от друга. Над головой возвышалась капельница. Матерчатые стены палатки вокруг говорили о том, что они находятся где-то за пределами Дома. Едва Илларион собрался с силами, чтобы задать прямой вопрос, где же они, как к ним в палатку вошла женщина в белом халате с логотипом Корпорации на груди.

– Прекрасно, вы пришли в себя, – произнесла она. – Это значит, я правильно подобрала препараты для вывода вас из интоксикации. Когда патруль нашёл вас, вы были под завязку накачаны наркотиками. Если бы нас не оказалось рядом, вы бы уже и не проснулись. Биосканирование показывает, что ваши организмы не готовы к такого рода химической и физической нагрузке.

– И теперь мы в Корпорации? – заплетающимся языком с трудом спросил Григор.

– Да, вы в лагере Корпорации возле Дома Волгоград, – подтвердила женщина.

– Что с нами будет дальше? – Григор продолжил расспросы.

– Я не могу ответить на этот ваш вопрос, я всего лишь врач. Но через полчаса к вам заглянет один из тех, кто может принимать решения.

– Спасибо. Будем ждать, – на этом Григор утратил всякое желание разговаривать с доктором. Иллариону говорить вообще не хотелось. Сама мысль о том, что нужно пошевелить хоть какой-то мышцей, уже внушала боль.

Может быть, так подействовали препараты, которыми их накачали, но Илларион не ощущал абсолютно никакого беспокойства по поводу того, что оказался в лагере Корпорации. Хотя умом он понимал, что ситуация ненормальная, и беспокоиться надо бы. Рядом тяжело вздохнул Григор. Илларион немного повернул голову к нему, но собрат не собирался ничего говорить. Тогда Илларион закрыл глаза и попытался задремать.

Должно быть, это ему удалось. Полчаса пролетели незаметно, и к ним в палату, как и было обещано, вошёл мужчина средних лет в купеческом одеянии.

– От имени Корпорации, приветствую влаков Дома Волгоград в нашем лагере, – начал он. Григор хмыкнул. Не обращая внимания на это, мужчина продолжил: – Меня зовут Егор. Мои предки происходят из этих мест, поэтому Дом Волгоград со стороны Корпорации закреплён за мной.

В этот момент Илларион вдруг понял, что корпорат обращается к ним по-русски, а не на синлане⁸. Это было весьма необычно. Илларион едва знал русский, и то только потому, что много работал с историческими источниками в библиотеке, но сам на этом языке разговаривал не очень хорошо.

⁸ Синлан – от англ. syntetic language. Синтетический язык, созданный после Второго Вавилонского смешения, на котором разговаривают обитатели системы Домов. Отличается предельно упрощённой грамматикой и фонетикой. Лексика в основном заимствована из ведущих европейских языков

– Давайте на синлане, – попросил Илларион. Егор кивнул и далее перешёл на более привычный влакам язык:

– Как вам будет удобнее. Мы нашли вас недалеко от лагеря. Вы были присмерти. Как вы там оказались, мы прекрасно знаем. Ваши боевые костюмы вели постоянную аудио и видео запись происходящего.

– Ооооо, – простонал Григор. Илларион только дёрнул щекой. Как можно было забыть, что костюмы всё записывают!

– Беспокоиться по этому поводу не надо, – сразу же заверил Егор. – Записи уже удалены с ваших костюмов и мы не собираемся передавать их вашему Дому.

– Почему же вы это делаете? – спросил Григор.

– Нам понятна цель вашего похода и мы не находим в ней ничего предосудительного, – ответил корпорат. – Более того, согласно правилам Корпорации, мы должны помогать жителям Домов, попавшим в трудную ситуацию.

– Как интересно, – отозвался Илларион.

– Но мы также знаем и о том, что с точки зрения внутренних установлений Домов, вы нарушили одну из главных заповедей и должны быть преданы суду влаков, – продолжил Егор. – Поэтому меня направили к вам предложить выбор. Вы можете вернуться в Дом либо же присоединиться к Корпорации.

Григор слабо засмеялся.

– Как нелепо вы нас вербуете, – проговорил он.

– Нам известно ваше отношение к Корпорации, и мы готовы доказать, что вы не правы, – ответил Егор.

– И чего же вы нам предлагаете? Стать купцами или охранниками? – уточнил Илларион.

– Вовсе нет. Мы бы предложили вам заниматься тем же, чем вы занимались совсем недавно. Ходить по заброшенным городам и искать свидетельства ушедших эпох. Мы предлагаем вам присоединиться к Археологическому корпусу Корпорации, – пояснил корпорат.

– А в Доме знают, что мы здесь? – уточнил Илларион.

– Нет, – Егор покачал головой. – Мы ничего им не сообщали. Благодаря нашим глушилкам они не знают даже, что вы были где-то возле нашего лагеря. Ваши перемещения по Старому Волгограду они, скорее всего, тоже не видели из-за расстояния и влияния городской застройки на радиосигналы.

– Уйдите, пожалуйста. Нам надо поговорить, – попросил вдруг Григор. Егор без слов кивнул и сразу же покинул палатку. Едва он скрылся, Григор повернул голову к Иллариону и продолжил:

– Скорее всего, нас подслушивают.

– Да.

– Но разве это важно?

– Нет.

– Очень странная история, – Григор вздохнул. – Нам вот так сразу делают судьбоносные предложения, а я по поводу этого не испытываю никаких эмоций.

– Я тоже, – сообщил Илларион. – Думаю, либо мы слишком перенапряглись накануне, либо на нас действуют какие-то препараты.

– Как думаешь, это может повлиять на наше решение?

– Да, Григ, может.

– Что же нам делать?

– Решать только вдвоём. Взвесив все «за» и «против».

– Начнём, тогда, – Григор снова вздохнул.

– Мне не очень хочется возвращаться в Дом, – признался Илларион. Ему вспомнился сон про изнанку города под куполом, который он только что видел, и вдруг подумалось, что и у Дома может быть такая же изнанка. Но говорить этого вслух он не решился.

– Понимаю. Тем более непонятно, как к нам отнесутся после того, как мы побывали в лагере Корпорации. Не казнят ли как шпионов?

Илларион попытался рассмеяться, но получилось только какое-то кряхтение.

– Ну что ж, у нас теперь целых две причины для казни! – проговорил он, оставив попытку смеяться.

– Как бы выбор в пользу Корпорации выходит. Наказание против интересного предложения. И мне не нравится это, Лар. Слишком красиво.

– Бывают предложения, Григ, от которых нельзя отказаться.

– Это именно оно. И мне это не нравится, – повторил Григор.

– Но какова может быть заинтересованность Корпорации в нас? Явно они не собираются использовать нас как шпионов. Тем более после того, как просмотрели все записи с наших костюмов. Им даже не надо допрашивать теперь нас, чтобы понять наше отношение и к Домам, и к Корпорации. Да они и не предлагают нам вернуться в Дом, чтобы работать там в их интересах. Они предлагают нам порвать с Домом и остаться с ними.

– Вопросов, как всегда, больше, чем ответов.

Влаки замолчали. Илларион подумал о том, что им нужно больше времени на принятие этого решения. Но времени не было. Если они задержатся дня на три в лагере Корпорации, то после этого Дом их точно не примет. Таким образом, попытка отложить решение была бы фактически принятием второго из предложенных копоратором вариантов.

Илларион попытался представить на своём месте Казимира. Казимир не доверял Корпорации. Но, пожалуй, он сделал бы выбор в пользу более активного сценария. Вернуться в Дом означало полностью вручить себя в руки правосудия влаков и просто ждать их решения. Путь, который предлагала Корпорация, выглядел более свободным и деятельным.

Но Иллариону не пришлось долго мучаться выбором. Григор тихо произнёс:

– Я вернусь в Дом.

Илларион повернулся к нему, и Григор продолжил:

– Мы принадлежим Домам и не должны в этом сомневаться. А Корпорация явно пытается манипулировать нашим решением.

– Да, я тоже отметил, что они говорят нам только о негативных последствиях возвращения в Дом.

– Но это будет очень тяжелое возвращение. И я не знаю, что будет дальше.

– Ну, я думаю, в самом плохом варианте мы всегда сможем сбежать, – Илларион улыбнулся.

– Чего-чего, а боевого опыта после похода в Старый город у нас даже поболее, чем у триков, – согласился Григор.

– Григ, а ты не думаешь, что Корпорация специально всё так обставила, чтобы мы поскорее вернулись в Дом, а наши тела уже напичкали разными датчиками и шпионскими устройствами? – Илларион и сам очень удивился, откуда ему в голову пришли такие мысли.

– Сразу попросим, чтобы нас проверили.

– А что, если у Корпорации технологии намного выше наших?

– Ну тогда мы с тобой, два влака-отступника, ничего с этим и не поделаем.

– Спасибо, Григ, успокоил, – Илларион перевернулся на спину и уставился в потолок палатки.

– Да мы вообще спокойны. Интересно, зачем они накачали нас успокоительными?

– Увидели, какие мы крутые бойцы и побоялись, что мы тут всё разнесём, – в шутку предположил Илларион.

– Ага, похоже на то. Только мы всё равно не смогли бы встать с этих коек.

Минуту они молчали, а потом Григор вспомнил:

– Лар, а нам ведь и нельзя вставать! Иначе мы нарушим запрет не ступать на землю за пределами Домов.

– Тогда надо просить, чтобы нас как можно быстрее перевели в Дом. Прямо на койках.

– Так и сделаем, Лар. И посмотрим. Если нам откажут, то значит, дело точно не чисто.

– А если с нами согласятся, то мы должны будем предполагать, что у Корпорации нет никакого злого умысла в отношении нас.

– Мы никогда не будем до конца уверены в своём выборе. Но у нас никогда не было мысли о том, чтобы предать Дом. Пусть даже нам далеко не всё нравится в Домах.

– Ты прав, Григ. Ты прав.

7. Отцы и дети

Доктор Исидор несколько нервничал, входя в кабинет отца Валерия. Конечно, винить самого Исидора было не за что, но вполне могли придаться к тому, что он не сообщил о проблемах влака Иллариона, как только узнал о них. Грех это был небольшой, и доктор Исидор прекрасно представлял, как ответит на подобные претензии. Но лёгкое чувство волнения, обычно не свойственное психосомнологу, всё же не покидало его.

В кабинете, помимо отца Валерия, сидели двое влаков, принадлежавших к поколению Исидора: влак Блез, знаток законов и установлений Дома, и влак Харитон, руководящий Торговой палатой.

– Доктор Исидор, проходите, садитесь, – пригласил отец Валерий, хотя нужны в этом не было. Стоять в дверях психосомнолог всё равно не собирался.

Отличительной особенностью кабинета отца Валерия была огромная карта Земли, нарисованная прямо во всю стену. Что, впрочем, не было удивительно, принимая во внимание, что отец Валерий как раз занимался дипломатическими связями между Домами. Карта была исчерчена множеством прямых линий, соединяющих Дом Волгоград с другими Домами, и доктор Исидор на какое-то время застыл, пытаясь сосчитать, сколько же всего линий на карте. Но он успел опомниться прежде, чем отец Валерий сделал ему замечание.

– Доктор Исидор, я полагаю, вам понятна тема нашего сегодняшнего собрания, – начал отец Валерий. Исидор кивнул.

– Что вы можете сообщить нам о психическом здоровье молодых влаков Иллариона и Григора? – отец Валерий сразу задал прямой вопрос. Три пары глаз обратились к доктору.

– Григор не обращался ко мне, ничего странного за ним замечено не было. А вот влак Илларион начал демонстрировать первые признаки обратного захвата личности.

Кто-то шумно вздохнул в удивлении. Доктор Исидор не успел заметить, кто, поскольку старался смотреть прямо на отца Валерия.

– И вы об этом не сообщили мне? – утверждение отца Валерия прозвучало полувопросом.

– Нет, не сообщил, – подтвердил психосомнолог и тут же продолжил, предвосхищая следующий вопрос. – Насколько известно, обратный захват личности наступает только у одного пациента из десяти, начавших демонстрировать его ранние признаки. Я продолжал наблюдение за влаком Илларионом, и, если бы начали появляться другие симптомы, я бы непременно сообщил. А пока я счёл преждевременным поднимать тревогу.

– Расскажите нам подробнее о том, что происходило с молодым влаком Илларионом, – по тону отца Валерия невозможно было понять, удовлетворён ли он ответом психосомнолога.

– Ему начали сниться сны о том, что он – другой человек. Некто Казимир, который живёт в городе под куполом, а с неба на купол постоянно падает вулканический пепел, – доктор сверился со своими записями в инфорке, кивнул, убедившись в правильности, и продолжил. – Влак Илларион полагал, что его альтер эго – кто-то вроде частного сыщика.

– Сыщика, говорите? – в голосе отца Валерия послышалась заинтересованность. – А что конкретно снилось молодому влаку? Чем занимался человек в его снах?

– Я не могу сказать, мы не обсуждали это, – признался доктор, хотя и понимал, что только что расписался в собственном упущении. – Мы не успели обсудить это, я рассчитывал назначить следующий сеанс после того, как уедет Корпорация. Тем более, что влак Илларион поступил на работу в Торговую палату, – Исидор кивнул в сторону влака Харитона.

– Вот это, кстати, хорошее замечание. Выходит, вы знали, что молодой влак Илларион за неделю сменил несколько видов деятельности? – уточнил отец Валерий.

– Разумеется, я всегда отслеживаю деятельность своих пациентов, – твёрдо заявил доктор.

– И какой вывод вы из этого сделали?

– База знаний показывает, что для пациентов в начальной стадии синдрома обратного захвата личности это нормальное и желаемое поведение, способное привести к полному выздоровлению, – доктор снова сверился с инфорком. – У влака Иллариона не было потери идентичности, он прекрасно осознавал себя личностью, отдельной от альтер эго. Однако он не был удовлетворён своей текущей деятельностью. Поэтому он принялся искать новые направления работы для себя. Когда я узнал, что он перешёл в Торговую палату, я обрадовался, поскольку работа, связанная с разъездами по другим Домам, была бы для него наиболее подходящей. Я даже собирался направить собрату Хариону свои рекомендации относительно него.

– После того, как Корпорация уедет? – уточнил отец Валерий, и доктору послышался укор в этом вопросе.

– Да, – смутившись, ответил доктор.

– Вы понимаете, что если бы предприняли необходимые действия раньше, то молодой влак Илларион, получив надежду на вполне законные путешествия в будущем, возможно, и не полез бы в эту авантюру? – с нажимом проговорил отец Валерий.

Влак Харитон бросил быстрый взгляд на доктора Исидора, который растерянно уставился на отца Валерия, и попытался перехватить инициативу.

– Можно мне добавить? – спросил разрешения глава Торговой палаты. Отец Валерий кивнул.

– Я поддерживаю мнение собрата о том, что такими вещами нужно было заниматься после того, как закончится визит Корпорации. Мы все были заняты подготовкой ко встрече, и у меня попросту не было бы времени на то, чтобы изучить представление доктора Исидора, принять решение и сообщить об этом молодому влаку. Спешу напомнить, что до этого я никогда не имел дел с влаком Илларионом, а потому не мог бы сразу сказать, подходит ли он для торговых миссий или же нет.

– А сколько всего было случаев обратного захвата личности в нашем Доме? – робко вмешался в разговор Блез.

– Ни одного, – быстро ответил Исидор.

– А сколько всего таких случаев задокументировано? – продолжил спрашивать законник

– Всего около пятнадцати случаев. Очень редкое расстройство, – ответил доктор и тут же добавил. – Но из них восемь – в Доме Улан-Батор в Монголии.

– Тогда пострадало целое поколение? – уточнил отец Валерий.

– Чуть больше половины. Нарушение техники пробуждения, как вы понимаете...

– Ясно. А каков ваш прогноз относительно молодого влака? – задал вопрос отец Валерий.

– Я думаю, с ним всё будет в порядке, если мы направим его активность в нужное Дому русло, – честно ответил психосомнолог. Среди влаков не было людей глупых или ленивых, но даже на таком фоне Илларион выделялся довольно ярко, и с точки зрения доктора, поступок молодого влака только подтверждал его особые способности. Впрочем, Исидор не отважился бы первым высказать подобное мнение.

– Вы говорили с ним после возвращения?

– Ещё нет, но судя по тому, что мне известно, он в своём уме. Захвата личности не произошло.

– Хорошо. Вроде выяснили. Теперь давайте подумаем о том, что нам с ними делать, – отец Валерий окинул взглядом присутствующих и остановился на законнике.

– Правила запрещают влакам ступать на землю за пределами Домов, – начал Блез. – Но насколько мне известно, молодые влаки говорят, что они и не ступали. Что они насыпали земли Дома в ботинки и так ходили.

– Да, химики уже проверили, в ботинках и правда земля Дома, – подтвердил отец Валерий. – Корпораты нам честно передали всё их снаряжение в целости и сохранности. Или почти.

– Выходит, формального повода наказывать их у нас нет, – резюмировал Блез. – Однако мы должны установить, какова же была цель того побега.

После этих слов все уставились на психомолога, словно он должен был сразу раскрыть все цели и мотивы. Исидор закашлялся, но быстро взял себя в руки:

– Побег ли это вообще? В конце концов, они вернулись, хотя могли бы этого и не делать.

– Действительно, корпораты передали их нам и сообщили, что это было собственное желание молодых влаков, – отец Валерий кивнул.

– Если вы ждёте моего мнения, то я скажу так, – продолжил Исидор. – В молодых влаках оказалась слишком сильна тяга к путешествиям. И я прошу простить меня, отец Валерий, за достаточно смелое заявление, но не их вина в том, что Дом не дал им такой возможности. Напомню также, что молодые влаки много времени проводили в библиотеке, изучая историю, и нет ничего удивительного в том, что им захотелось воочию увидеть те вещи, о которых они только читали.

Исидор высказался и шумно вздохнул. Во время речи его понесло куда-то не туда, и он наговорил много такого, на что не мог предсказать реакцию отца Валерия. Отец Валерий же, выслушав Исидора, замер. Психомолог приготовился к грядущему разносу.

Валерий, не моргая, уставился на доктора. Молчание затянулось. Исидор, как ему самому показалось, шумно сглотнул слюну. Внезапно отец Валерий снова пришёл в движение и спросил других участников собрания:

– А ваше мнение, господа, что же это было? Юношеская шалость, попытка побега, осознанная диверсия?

Блез и Харитон переглянулись. Харитон кивнул, Блез начал говорить:

– Ущерб Дому нанесён незначительный, потерян лишь один трактор. Я думаю, это была юношеская шалость, хоть и противоречащая всем установлениям Дома.

– Совершенно очевидно, что действия были чётко спланированы, – проговорил Харитон. – Однако метания молодых влаков между разными работами перед тем, как они покинули Дом, говорят нам о том, что это не было связано с Корпорацией. Они искали путь сами, надеясь только на себя. Поэтому это не диверсия. А поскольку они вернулись, то это и не побег. Выходит, это была шалость.

– Значит, все согласны, что никакой злонамеренности в действиях молодых влаков не было, – отец Валерий откинулся на спинку кресла. – Однако они не могли не понимать, что нарушают одно из ключевых установлений Дома.

– Разумеется, они понимали, – согласился Блез. – Но я напоминаю про то, что они нашли лазейку. В запрете говорится о земле, и они действительно не ступали своими ногами на землю за пределами Дома. Кроме того, я напомню, что после одного случая с налётом на Дом Карфаген африканских кочевников влакам разрешено выезжать за пределы дома на любой наземной технике. Если кто забыл, в тот раз влаки вынуждены были сами взять в руки оружие и отбиться от нападения под стенами своего Дома. В основном, конечно, влаки находились внутри бронетехники, но некоторые были вынуждены сражаться на тракторах. Таким образом, Совет Домов постановил тогда, что запрет «Да не ступит нога влака на землю за пределами Дома» следует понимать буквально, и запрет не распространяется на нахождение влаков на борту летательных или наземных средств передвижения.

– Но выходит тогда, что влакам ещё и плавать можно? – внезапно развеселился Харитон. Блез не понял его веселья и совершенно серьёзно ответил:

– Да, если они не касаются ногами дна. Предвосхищая вопрос – да, на руках тоже можно ходить за пределами Дома, если сможете.

В ответ на это отец Валерий улыбнулся.

– Ну что же, выходит, молодые влаки не нарушили запрет? – уточнил он.

– Я боюсь, что тут не всё так просто, – со вздохом отозвался законник. – Это должен решить Совет Домов. Мы лишь можем подготовить и аргументировать нашу позицию. Полагаю, среди присутствующих никто не хочет наказания молодых влаков?

– Нет, никто не хочет, – ответил за всех отец Валерий. Исидор оглядел лица присутствующих и не заметил желаний оспорить это утверждение.

– Но мы должны понимать, что когда речь шла о карфагенцах, у Совета Домов не было иного выхода, кроме как признать, что нарушения не произошло, – продолжил Блез. – Во-первых, там у влаков не было выбора, кроме как выйти сражаться, иначе они все погибли бы. Во-вторых, если бы карфагенцев подвергли изгнанию, Дом лишился бы трёх четвертей влаков. У нас ситуация другая. Жизненной необходимости покидать Дом у влаков не было, да их и всего двое, – Блез сделал паузу и продолжил. – В общем, мы не знаем, какую позицию займёт Совет.

– Замечу также, что при этом дело ведь не лишено странностей, – задумчиво заговорил отец Валерий. – Как вам известно, тактические костюмы записывают видео и звук. Но на переданных нам костюмах любые записи отсутствуют. Корпораты утверждают, что не понимают причин этого. Предполагают, что, возможно, их оборудование вызвало сбой и нарушения в системах костюмов. Наши трики говорят, что это невозможно. Но полагаю, это может сыграть против наших молодых влаков.

– Да, их могут заподозрить в шпионаже, – согласился Харитон.

– Я не верю ни в какой шпионаж, – сообщил отец Валерий. – Корпораты настолько выше нас в области технологий, что если бы они хотели шпионить за нами, то давно бы это сделали без посредства людей. Да и предыдущих контактов между молодыми влаками и корпоратами не было.

– Тем не менее, любое сомнение может быть истолковано против наших путешественников, – напомнил Блез.

– Можем ли мы не передавать это дело в Совет? – спросил отец Валерий.

– Увы, нет, – законник покачал головой. – Все дела в отношении влаков рассматриваются только Советом Домов, и вот уж у кого точно есть глаза и уши в нашем Доме, так это Совет.

– Выходит, мы не представляем, чем это кончится, – отец Валерий вздохнул и высказал слова, которые мало кто мог бы себе позволить. – Как бы не вышло, что для них было бы лучше и не возвращаться вовсе.

8. Суд

Едва Илларион и Григор смогли встать на ноги, как их сразу же отправили из лазарета под домашний арест – каждого в свою комнату. Большую часть времени дверь в комнату была попросту закрыта, а чтобы выйти в туалет или душевую, надо было запрашивать разрешение через инфорк. И разумеется, в таких походах их сопровождали один или два трика. Друзья несколько раз пытались синхронизировать свои выходы наружу, чтобы увидиться, но им никогда не позволяли выйти в одно время. Удивительно, что им не запретили пользоваться инфорками и коммуницировать с другими жителями Дома. Но никто не горел желанием пообщаться с ними, а сами арестанты решили не навязываться никому, дабы не навлечь на них подозрений.

Илларион, выходя наружу, каждый раз сталкивался с тем, что его стараются не замечать. Люди, которые попадались в коридоре, моментально отводили глаза и быстро проходили мимо. Даже трики-охранники старались лишней раз не глядеть на арестанта и не заговаривать с ним. Не то чтобы Илларион очень любил общение, все влаки старались держаться отстранённо даже друг от друга, не говоря уже про представителей других каст. Но нынешняя ситуация очень сильно била по его чувству общности с обитателями Дома, и это было тяжело.

Единственные, с кем удавалось хоть немного пообщаться – это Григор и влаки-дознаватели. Пожалуй, это общение – единственное, что позволяло Иллариону держать себя в крепком рассудке.

Вопросов задавали много, но по сути они все были одинаковые. Друзья сразу договорились не сочинять ничего лишнего, просто не упоминать содержание своих разговоров в Старом Волгограде. Да, Григ принёс карту. Да, решили посмотреть на планетарий, потому что были увлечены изучением истории. Нет, чёткого плана не было. Нет, с Корпорацией никогда прежде не связывались. Да, к идее угнать трактор пришли внезапно.

В один из дней к Иллариону заглянул доктор Исидор. Илларион, честно сказать, побаивался психосомнолога, но был рад и такому гостю. Доктор сразу начал расспрашивать Иллариона о его снах.

– Нет, как я вернулся из путешествия, мне больше ничего так и не снилось, – честно ответил Илларион.

– Не снилось вообще или не снилось про Казимира? – уточнил доктор.

– Вообще ничего. Чернота какая-то.

– Но ты высыпашься?

– Как вам сказать, доктор... Я сейчас на нервах из-за постоянного ожидания последствий. Я не могу сказать, что я в порядке.

– Понимаю, – психосомнолог кивнул. – А как с тобой обходятся? Не чувствуешь ли ты унижений?

– Меня стараются не замечать, и это неприятное чувство. Раньше я никогда не сталкивался с таким.

– Люди не знают, как к вам относиться. Вы повели себя так, как никто в Доме себя не ведёт. Это внушает людям опасения. И те опасения, что вы можете снова повести себя странно, и те опасения, что если они проявят к вам хоть какое-то сочувствие, их... – доктор осёкся, сообразив, что начал говорить слишком много. Но он всё же собрался и завершил фразу таким тоном, словно то, о чём он говорит, и не очень важно. – В общем, их могу посчитать сообщниками. Глупость, конечно, на так работает наша психика.

– Спасибо, – только и произнёс Илларион. На этом разговор как-то сам собой закончился. Психосомнолог спешно попрощался и покинул комнату Иллариона, а Илларион остался в одиночестве думать о том, прошёл он очередное испытание или нет. Впрочем, ему показалось, что

доктор был настроен к нему дружелюбно и даже хотел чем-то помочь, что-то подсказать. Вот только Илларион не распознал послания.

А одной ночью случилось что-то и вовсе неожиданное. Инфорк засветился, зажужжал. Илларион, едва-едва уснувший, подскочил со страшным биением сердца, секунду не понимал, что происходит, а потом схватился за аппарат. На экране отображалось сообщение: «Привет, Лар, ещё не спишь»? Матеря Грига за такие фокусы, Илларион написал гневный текст и швырнул информк на тумбочку. Ответ на заставил себя долго ждать. Илларион решил, что спать ему не дадут, пока он ещё раз явно не пояснит, что вести беседы не намерен. Он снова схватил информк и увидел: «Это не Григ. Это Ада.» Сердце забилося ещё сильнее. Илларион попытался сообразить, кто же такая Ада, но в упор не мог вспомнить. Он уставился на фотографию девушки в информке. Лицо было смутно знакомо, они из одного поколения, но...

«Августа», – всплыло сообщение. – «Ты пару раз помогал мне в библиотеке».

«Чёрт возьми, да я многим помогал», – раздосадовано подумал Илларион.

«Я искала книги по информационным технологиям XX века», – напомнила Ада. И в этот момент Илларион вспомнил. Ну конечно, Августа! Девушка, что так увлеклась делами, собственными двама, что даже взяла себе псевдоним в честь полуполюгендарного исторического персонажа – Августы Ады Лавлейс, считавшейся первой женщиной-программистом.

«Теперь я вспомнил», – отозвался Илларион. – «Ты не боишься мне писать?»

«Я настроила мессенджер так, что наши сообщения будут удаляться через три минуты», – пояснила Ада. – «Так что читай быстрее!»

«А так можно было?» – Илларион искренне удивился.

«Можно не только это, но и многое другое. Просто для влаков эти знания считаются излишними»

Илларион готов был поклясться, что это утверждение было очень в духе Григора, и даже начал было подозревать, что друг всё-таки разыгрывает его. Но откуда у Григора такие знания, чтобы перенастроить мессенджер или начать переписку от чужого имени? Ведь любой житель Дома, взяв в руки информк, сразу же автоматически авторизовывался под своим настоящим именем.

«Расскажи мне, каково в Старом городе?» – попросила Ада. Илларион подумал, что всё это может быть хитрой ловушкой, попыткой выудить из него те сведения, которые он не раскрывал на допросах. Поэтому он начал отвечать достаточно осторожно:

«Там пустынно. Людей нет. Заброшенные дома. Кругом много зелени»

«Я слышала, вы от кого-то отстреливались?»

«Слышала?» – вновь удивился Илларион.

«Ну как – слышала», – призналась Ада. – «Просто взломала пару информков у тех, кто занимается расследованием вашего приключения»

«Что, и так можно было?»

«Можно. Я бы и тебя могла научить»

«Спасибо за предложение, но я пока не в том состоянии, чтобы учиться»

«Я понимаю. Продолжай»

«Да, нам пришлось поучаствовать в перестрелке. Мы сбили коптер с имином, а потом нас обстреляли с противоположного берега Волги. Мы чудом не пострадали, но потеряли трактор»

«Интересно. А Старый город, какой он? Похож ли он на Дом?»

«Нет, он вовсе не похож на Дом. Он не похож ни на что, что мы видели воочию в жизни»

«Я бы тоже хотела увидеть Старый город. Расскажи подробнее, как там».

Илларион и Ада переписывались полночи. Чувство обеспокоенности Иллариона по поводу того, что так из него могут вытянуть какие-то важные признания, постепенно отступило. В конце концов, он рассказал и так всё из того, что рассказать был готов; а что не готов

был рассказать, не раскрыл бы и Аде. Илларион рассказал ей все историю с самого начала: как решили пойти, как искали трактор, как попали под обстрел, как оказались в Старом Волгограде, как ночевали там, как выбирались. Ада задавала много вопросов, но ни один из них Илларион не счёл бы провокационным. А под конец беседы она загадочно написала: «Мы завтра увидимся. Жди», – и отключилась. Иллариону действительно осталось только ждать. Потому что уснуть после такого он уже не мог.

Илларион находился в смятении чувств. Ему было и тревожно, и приятно одновременно. Тревожно – потому что он не понимал, к чему может привести вся эта ситуация, и какая-то часть его души всё ещё подозревала провокацию. Приятно – потому что талантливая девушка обратила на него внимание. Илларион подумал о том, как бы на эту ситуацию отреагировал Казимир. Но Казимира рядом не было, а уснуть, чтобы увидеть его, Илларион не мог. Впрочем, он подумал, что его альтер эго однозначно обрадовался бы такому событию.

Соглашаясь на авантюру Григора, Илларион плохо понимал, к чему это может привести. Не до конца он мог это понять и сейчас. Но уже было ясно, что независимо от исхода ближайшего суда, его жизнь крайне резко изменится.

Илларион уснул уже под утро, но вскоре его разбудил будильник. Шанс выйти в душевую у него был только один, в строго отведённое время. Упускать его было нельзя. Илларион заставил себя подняться с кровати, но твёрдо решил, что как только вернётся из душа, сразу снова упадёт спать. В конце концов, делать ему сейчас особо было и нечего.

Илларион отправил запрос на посещение душевой через инфорк и постучал в дверь. Её открыли снаружи. Охранник из триков привычно пошёл за спиной Иллариона, не проронив ни слова. Илларион принял душ и вышел обратно в коридор. Они с охранником направились к комнате. Навстречу им прошла девушка, которая едва заметно улыбнулась Иллариону.

Сердце молодого влака бешено заколотилось, в голове выстрелило: «Ада!» Но обернуться ей вслед он не посмел, не желая привлечь внимание охранника. Стараясь держать себя в руках и не выдавая своего состояния, Илларион вернулся в свою комнату.

На инфорке горело: «Привет».

«Ты сильно рискуешь», – схватив инфорк, поспешно набрал Илларион.

«Рискую чем?»

«Ты можешь привлечь лишнее внимание»

«Куда уж больше? Я и так под замком, как и ты»

Илларион взгляделся в отправителя и хлопнул себя ладонью по лбу. Григор! Иллариона бросило в пот. Он едва не наделал глупостей и не написал лишнего. Нет, он пока не собирався рассказывать другу о событиях предыдущей ночи. Удалять сообщения также, как Ада, он не умел. Да и не был вообще уверен, с кем он сейчас переписывается. Они как-то сразу договорились с Григором не писать ничего такого, что могло бы их дискредитировать.

Илларион постарался как можно скорее отвлечь внимание Григора от своих странных сообщений в начале беседы. Они узнали друг у друга, как дела, и на этом общение прекратилось. Конечно, если бы они встретились лично, они нашли бы больше тем для беседы. Но пока подобная встреча была для них недостижимой роскошью.

Илларион положил инфорк на тумбочку и сел рядом, ожидая сообщений от Ады. Почему она не пишет? Что-то случилось? Её заметили, раскрыли? Тоже посадили под домашний арест? Но ведь Григору позволено пользоваться инфорком, а ей запретили? Илларион устал томиться ожиданием и решил написать первым: «Привет!»

Прошли три бесконечные минуты, прежде чем он увидел ответ: «Привет! Отлично выглядишь»

«Стараюсь. Ты тоже выглядишь хорошо»

«Ахаха, спасибо) Но ты меня даже не разглядел, я быстро прошла»

«Я успел заметить достаточно)»

«Хорошо. Лар, я не писала, потому что мы тут заняты кое-чем»

«Мы?» – мимолётный укол ревности пронзил Иллариона. Он не подозревал, что Ада может быть не одна.

«Есть ещё несколько влаков и дваков, которые знают о вашей истории и хотят помочь. Я выступаю связным»

«Чем же вы хотите нам помочь?» – у Иллариона появилась мысль, что он попал в какую-то секту.

«Вы должны бежать, Лар. Нам стало известно, что этим делом будет заниматься Совет Домов, и вас решили примерно наказать»

Второй раз за утро Иллариона бросило в жар, руки затряслись.

«Что значит – примерно наказать?»

«Вас хотят отправить в ссылку в самые дальние Дома, которые постоянно подвергаются атакам норгов»

«Откуда ты знаешь?»

«Взломала переписку пары советников»

Илларион отложил инфорк и не спешил с ответом. Что ж, всё решено? Да пускай даже и так. Так ли это страшно? А может, оно и к лучшему?

«И что же ты предлагаешь? Куда бежать?» – после паузы набрал Илларион.

«Мы не знаем. Мы думали, у вас могут быть идеи. А мы бы помогли с побегом»

«Сколько вас?»

«Четверо. И мы бы хотели бежать вместе с вами. Нам тоже надоел Дом»

«Для нас нет жизни за пределами Дома. Ты должна понимать, что мы предприняли нашу вылазку не потому, что хотели порвать с Домом, а только потому, что хотели увидеть осколок прежнего мира».

Илларион не стал ничего писать о том, что они с Григором уже отказались от предложения Корпорации. Ада об этом знать не могла, а если её цель – выведать какие-то секреты, то как раз этот факт и был самым большим секретом.

«Но иначе вас отправят на верную смерть!» – напечатал Ада.

«Думаю, за стенами Дома, пусть и подвергающегося атаке время от времени, шансов выжить больше, чем в поле, в лесу или в пустыне с разряженными батареями Тик-Така и без боеприпасов»

Ада затихла и долго не отвечала. Илларион написал сам:

«Ты переписывалась с Григором?»

«Нет, я его не так хорошо знаю, как тебя». «Но ведь ты и меня совсем не знаешь», – подумал Илларион. Но написал при этом другое:

«С ним переписывается кто-то из вашей команды?»

«Нет, только я и только с тобой. Это всё моя идея. Жаль, что ты не оценил»

«Я оценил. Но я был там, снаружи, и я не думаю, что это хорошо»

«Я хочу уйти отсюда. Я хотела, чтобы ты взял меня с собой»

Илларион понимал, что он должен ответить на это что-то прямо сейчас, но ответить он не мог. Он понимал, что может сейчас дать любое обещание, и даже может это обещание воплотить, но он не видел за этим будущего.

Илларион поступил в итоге не очень хорошо, но ничего другого он не смог придумать. Он попросту ушёл от ответа, переведя разговор на другую тему. Вроде бы Ада смирилась с этим. Они переписывались ещё три дня, один раз снова увиделись в коридоре. Илларион так и не признался Григору, что им предложили путь побега. Как и не хотел признаваться себе в том, что внезапно влюбился в эту ныне далёкую девушку – что для влаков было хотя и не запретным, но достаточно странным.

А потом наступил день суда.

Суд запомнился Иллариону смутно. Было много влаков, в том числе и тех, кого он прежде никогда не видел. Была здесь и Ада, он заметил её в дальнем углу зала. Она увидела Иллариона, они встретились взглядами, но более никак не проявляли интереса друг к другу. Судить приехали три важных влака из самого первого поколения. Им, наверное, было уже за сто сорок лет, но держались они довольно бодро.

Иллариона и Григора публично допрашивали весь день: то поочерёдно, то совместно. В который уже раз молодые влаки рассказывали одну и ту же историю. Но хотя заседание и шло несколько часов к ряду, желающих покинуть зал не обнаружилось.

Илларион не заметил какой-то враждебности со стороны судей. Наоборот, они сами казались заинтересованными, и по их лицам было видно, что история Иллариона и Григора им даже понравилась. Впрочем, Илларион не думал, что это может сыграть в их пользу, если вердикт уже предрешён.

Илларион знал, что в эпоху до Рухнувших небес суды могли продолжаться неделями, время от времени уходя на перерывы. Однако правосудию влаков был чужд излишний бюрократизм, и поэтому всё решалось в течение одного заседания. Под вечер того дня Илларион воспринял начало оглашения приговора буднично, без эмоций и ожиданий. Это было не трудно, ведь он уже примерно понимал, что услышит.

– Молодые влаки Илларион и Григор совершили поступок, по форме близкий к нарушению одного из Священных запретов, но, по существу, таковым не являющийся, – говорил судья, сидящий по центру. – Буквально они не ступали на землю за пределами Дома. Ими руководила не корысть, а научный интерес и желание лично изучить руины старого мира. В то же время, своими действиями они подвергли Дом определённой опасности и нанесли вред имуществу дома. В ходе плохо подготовленного похода молодые влаки попали в перестрелку и едва не погибли сами. Таким образом, следует признать, что в значительной степени действия Иллариона и Григора были обусловлены не трезвым расчётом, а спонтанным желанием, что само по себе не является достойным поведением для влаков. Однако суд принимает во внимание возраст молодых влаков и отсутствие у них приобретаемой с годами житейской мудрости.

В этот момент Илларион и Григор переглянулись. Во взгляде Григора Илларион прочитал некоторую оскорблённость выводами суда.

– Учитывая факты, изложенные выше, суд постановил, – продолжал судья. – Влаки Илларион и Григор не теряют своей касты, – в этот момент по залу прокатился вздох облегчения. Судья поднял глаза на зрителей. – Однако особенности характера и поведения молодых влаков не соответствуют традициям Дома Волгоград, в связи с чем Илларион и Григор должны быть на двадцать лет направлены в пограничные Дома, где от влаков требуется как раз активность и готовность к каждодневным сражениям. Таким образом, суд постановил: направить влака Григора в Дом Карфаген, а влака Иллариона – в Дом Улан-Батор. По истечении двадцати лет влаки смогут, при желании, вернуться в Дом Волгоград для постоянного проживания. Однако раз в год им разрешается в течении двух недель посещать родной Дом.

Друзья вновь переглянулись. Того, что их вот так разлучат, не ждал никто. Но судья продолжал:

– С этого момента молодые влаки освобождаются из-под домашнего ареста и считаются принадлежащими к своим новым Домам. В Доме Волгоград они будут пребывать на правах гостей до момента отправки в соответствующие Дома.

В зале повисла тишина. Илларион и Григор стояли вдвоём в центре зала, и на них были устремлены сотни глаз. Никто так и не посмел проронить ни слова после оглашения приговора. В голове Иллариона стучала кровь. Сейчас его больше всего пугало то, что он может больше

никогда не увидятся ни с Григором, ни с Адой. Особенно с Адой, с которой, как ему показалось, у них начали завязываться какие-то отношения.

Неизвестно, как долго они так стояли. Судья, утомлённый этой картиной, произнёс:

– Илларион и Григор, отныне вы свободны. Суд окончен, – После чего троица поднялась и вышла. Но молодые влаки так и остались стоять в оцепенении. Пока не подошла Ада и не взяла Иллариона за руку.

– Идём, – тихо произнесла она и увлекла потерянного Иллариона за собой. Григор посмотрел им вслед, покачал головой и улыбнулся.

Лунный свет

09. Под Луной

– Как ты себя чувствуешь? – привычно раздался в голове приятный женский голос.
– Хорошо, Луна, – ответил он. – Сегодня мы отдыхаем возле Дома Лишбоа. Тут достаточно спокойно. Норгов почти нет и никто на нас не нападает.
– Это хорошо, – подтвердила Луна. – А куда вы направляетесь дальше?
– Идём на юг, через Гибралтар, далее по морю в Дом Карфаген.
– Непростое, должно быть, будет путешествие.
– Да, чувствую, что для меня будет непростое, – он усмехнулся. – Два дня сидеть без дела на корабле...

– Не лучше ли по воздуху?
– Менеджер говорит, что это слишком дорого для тех объёмов, которые мы везём туда. Кроме того, норги легко сбивают любые летательные аппараты, используя ракеты с иминами.
– Где же они их берут?
– Не знаю, Луна. Где-то достают. Может, правы легенды о Потерянных городах, и где-то ещё сидят прямые потомки правителей древности, сохранившие свои основные производственные мощности.

– Я бы хотела, чтобы ты увидел такие города и рассказал мне, как они выглядят.
– Непременно, Луна, непременно. Если только выпадет случай...
Это было как всегда приятно – лежать под Луной, глядеть на Луну и разговаривать с Луной о прошедшем дне. Луна была видна каждую ночь, но теперь, когда на орбите оказалось столько осколков спутников, путь на неё человеку был заказан. Хорошо ещё, что её голос по-прежнему был слышен.

Несколько раз он спрашивал у Луны, сколько их, таких счастливых, с кем она разговаривает, но каждый раз она со смехом отшучивалась, что у порядочной леди только один кавалер.

Он слышал голос Луны с самого раннего детства. Он знал, что родился в нищей общине норгов глухим, а потому был обречён на смерть. Но родители собрали в кулак всю свою волю, выследили караван Корпорации, и, рискуя быть принятыми за налётчиков и убитыми, отдали младенца какому-то клерку-корпорату. Тот не стал возиться с ребёнком сам, а передал его в Департамент детства, где приёмному сделали операцию, установив костные слуховые аппараты и меняя их по мере роста ребёнка. Мальчика назвали Богданом, и повзрослев, он решил стать охранником Корпорации.

Луну он услышал впервые в раннем детстве и тогда решил, что это совершенно естественно. Став чуть постарше, он начал думать, что Луну слышат только те, у кого есть соответствующий слуховой аппарат. Но Луна просила его никому-никому не рассказывать об их общении, он и не рассказывал. Сейчас он полагал, что во всём мире слышит Луну только он один, и, хотя он знал, что голоса в голове – верный признак шизофрении, никакого сомнения в том, что голос Луны реален, у него не было. Несколько раз он всё же проверял себя, надевая ночью во время разговора с Луной экранирующий шлем, и голос Луны сразу пропадал. Луна каждый раз относилась к этому с пониманием, но просила так больше не делать посреди разговора.

Конечно же, он задавался вопросом, как Луна обрела голос и сознание, и несколько раз прямо спрашивал, кто именно с ним разговаривает. Каждый раз Луна отвечала: «Я – Луна. Посмотри в небо, видишь меня? И я тебя вижу, Богдан». Богдан же со временем решил, что

с ним разговаривает одна из обитательниц лунной станции, выросшая именно там, на Луне, и никогда не видевшая Земли. Богдан помнил, что раньше, в детстве, голос его тайной подруги тоже был детским, и пока выросл Богдан, выросла и его подруга. Ну а что ей хотелось называться Луной, так против этого Богдан не возражал.

Богдан несколько раз пытался узнать побольше о своей собеседнице: сколько ей лет, как её настоящее имя, сколько человек ещё есть на лунной станции, как они пережили День Рухнувших небес и последовавшее за этим прекращение полётов между Луной и Землёй. Его собеседница всегда уходила от ответов. Но Богдан не отчаивался. Он принялся сам изучать историю лунной станции, которая в определённый момент истории провозгласила себя самостоятельной Лунной Директорией. По официальной истории Лунная Директория погибла через полвека после Дня Рухнувших небес, но постоянно находились свидетельства того, что какая-то активность на южном полюсе Луны сохраняется. Скептики говорили, что это работают автоматы. Романтики утверждали, что лунари выжили и приспособились к новым условиям. Богдан же точно знал, что на Луне есть люди. По крайней мере, один человек. Возможно, его собеседница была последней из выживших, поэтому она и не хотела говорить о себе как о человеке, а своих соседей не упоминала просто потому, что их не было. Придя к такому выводу, Богдан пообещал своей незримой подруге и наставнице, что непременно найдёт способ добраться до Луны и забрать её на благодатную Землю. Но его Луна в ответ на это лишь тихо смеялась. Богдан и сам понимал, как мало шансов у него осуществить обещание. Да и, кроме того, даже если бы он и оказался на Луне, пережила бы его подруга путь на Землю? Ведь она родилась в крайне низкой гравитации, и ей было бы очень тяжело переносить космические перегрузки и земное тяготение.

Богдан слышал Луну каждую ночь, когда находился под открытым небом, но не каждую ночь мог ответить ей: всё-таки к людям, которые разговаривают сами с собой, окружающие всегда относились настороженно. Поэтому с раннего детства Богдан привык отходить подальше от лагеря или обиталища и общаться с Луной в уединении. Луна сама подсказывала обычно, куда нужно пойти, чтобы не встретиться со случайными слушателями, а также предупреждала, если кто-то вдруг оказывался слишком близко. Поведение Богдана было странным, но он всегда возвращался после часа-другого прогулки под ночным небом, поэтому коллеги-корпораты смотрели на это просто как на небольшое чудачество. Сам же Богдан объяснял это тем, что без ночной прогулки не может уснуть.

Луна расспрашивала Богдана о прошедшем дне, просила описать места, которые он видел, его ощущения, эмоции, встретившиеся ему за день вкусы и запахи. Сама Луна порой начинала рассказывать ему об истории того или иного города или страны, и каждый раз Богдан с большим интересом слушал. Как-то раз Богдан обмолвился о том, что завёл отношения с девушкой из отдела логистики, и Луна тут же засыпала его таким обилием вопросов сугубо личного характера, что заставила Богдана покраснеть. После этого Богдан решил никогда не упоминать при ней о своей личной жизни. Конечно, бывали случаи, когда он оказывался с девушками под открытым небом при Луне, но его Луна в такие моменты тактично молчала. Богдан боялся, что Луна будет ревновать его к другим девушкам, но похоже, что она и их тоже рассматривала лишь как часть его каждодневных историй. Богдан же никогда и никому этого не говорил, но его единственной и подлинной любовью была недосыгаемая Луна.

– Когда-нибудь мы непременно встретимся, – проговорил Богдан, глядя на серебристый диск спутника в небе. Луна в ответ рассмеялась серебряными колокольчиками.

– Мне нравится твой смех, Луна.

– Я рада, Богдан.

– Я непременно найду способ добраться к тебе. И ничто-ничто меня не остановит.

– Ты очень целеустремлённый молодой человек.

- Да, и разве не поэтому я стал твоим кавалером?
 - Луна вновь рассмеялась.
 - Именно поэтому, Богдан. Но тебе пора возвращаться.
 - Час прошёл?
 - Да.
 - Час – это так мало...
 - У нас ещё вся жизнь впереди, Богдан. Ступай, пока тебя не начали искать.
- Богдан вздохнул, поднялся и направился к лагерю Корпорации.

В Доме Лишбоа даже в это время продолжался праздник. Ворота Дома были открыты, из них лился яркий свет, звучала музыка, доносились какие-то радостные возгласы. Охранников крайне редко пускали на территорию Домов, только в составе церемониального сопровождения. Поэтому Богдан и его коллеги разместились в шатрах на внешней границе лагеря Корпорации. Со стороны лагерь выглядел как незащищённый палаточный городок, но на деле это было совсем не так. Всё пространство на несколько километров вокруг просматривалось скрытыми компактными радарными, в воздухе летали беспилотники наблюдения, и подобраться к лагерю незамеченными было бы невозможно. Норги об этом, разумеется, знали, и потому предпочитали нападать на караваны только пока те на марше и только из хорошо подготовленной засады.

Оказавшись в своём шатре, Богдан достал из личных вещей тубус и извлёк из него старомодную бумажную карту. Он разложил её прямо на койке и взглянул на отмеченные точки. Богдан вздохнул. Он и так знал, что увидит. Он помнил точное расположение каждого космодрома планеты Земля, и конечно же, прекрасно знал, что в Африке нет ни одного. Но раз за разом он снова и снова разворачивал эту карту, словно надеясь, что на ней появятся какие-то новые, доселе незамеченные пункты.

Да и вообще ныне на Земле не было ни одного работающего космодрома. Во что превратились старые – это было большой загадкой. Богдан давно имел в голове чёткий план, что как только они с караваном будут проходить где-то поблизости от космодрома, он непременно сбежит, чтобы его посмотреть. Но такой случай никак не выдавался.

Богдан даже точно знал, где он хочет оказаться больше всего. Посреди среднеазиатских пустынь гордо расположился Космоград, выросший из города Байконур, где в стародавние времена появился первый в мире космодром. Поговаривали, что именно этот космодром сохранился в достаточно хорошем состоянии, поскольку во времена всеобщего хаоса расквартированные там воинские части пресекли разграбления, обеспечили порядок и достаточно мягкий переход от мира государств к миру Домов. Попастись туда было непросто. Каждый раз, завершая очередную торговую миссию, Богдан надеялся, что в следующий раз его распределят на маршрут до Космограда, ну или хотя бы куда-то в Среднюю Азию, откуда уже можно будет добраться и до заветного космодрома. Но принципы распределения охранников оставались загадкой для него, и, хотя он неоднократно заявлял менеджеру о своём желании, ничего в этом отношении не менялось.

Снова вздохнув, Богдан свернул карту и убрал её в тубус. После чего вновь вышел на улицу и поднял взгляд на звёздное небо. Луна молчала. Их час общения давно прошёл. Правила сложились как-то сами собой давным-давно, и никто из них не пытался их нарушить.

Богдан знал о космических путешествиях столь много, сколь вообще мог знать человек его века. Он изучил на эту тему всё, что можно было найти в базе Корпорации. И он прекрасно понимал, что в одиночку вряд ли сможет запустить ракету, даже если найдёт её в целости и сохранности. Ему нужны были грамотные соратники. Поэтому, хочешь не хочешь, а все дороги вели в город под названием Космоград.

Несколько раз он спрашивал у своей Луны совета, как лучше добраться до какого-нибудь космодрома и какому из них вообще лучше уделить внимание. Луна-то уже точно лучше видела с небес, какие сохранились. Но Луна каждый раз просила Богдана не тратить на это время. Богдан делал вид, что слушал. А на деле же продолжал строить планы, которые должны были привести его в космос.

И сейчас, собираясь спать, Богдан думал о том же самом. О маршруте, в конце которого сиял хромированной сталью Космоград. Конечно, это был билет в один конец. Единожды сбежав, он не смог бы после этого вернуться в Корпорацию. Но Богдан не боялся этого. Всегда можно было бы наняться конрабом⁹ к какому-нибудь из Домов, ну а в самом крайнем случае, стать наёмником общины норгов. Уж с его-то знаниями и военной подготовкой он вполне бы сумел это сделать. Или вовсе остаться на Луне. Каждый из вариантов был по-своему неплох.

Он не мог сказать ни единого плохого слова о Корпорации, которая его вырастила и сделала нормальным человеком. Он не мог назвать свою жизнь в Корпорации плохой. Но та цель, которую он поставил перед собой, не нашла бы понимания у высших чинов Корпорации. Богдан прекрасно отдавал себе в этом отчёт. Корпорация не любила эгоистичных мотивов. Каждый сотрудник служил Корпорации, а Корпорация служила человечеству. Богдан не так много общался с жителями Домов, но их отношение было видно очень хорошо. Все они боялись Корпорации и постоянно ожидали от неё какого-то подвоха. Правда же была в том, что только благодаря Корпорации и выживали Дома.

Что ж, мир всегда был во многом несправедлив. Богдана это тревожило мало, поскольку он хорошо понимал границы своих возможностей и никогда не пытался помочь всем и сразу. Да и как можно помогать всем и сразу, когда тебя ждёт твоя Луна? Богдан вновь поднял взор на серебряный диск в небе.

– Я обязательно приду, – прошептал он. – Обязательно!

После чего вернулся в шатёр.

⁹ Конраб – контрактный рабочий, принадлежащий к касте перков и выполняющий для Дома какие-либо отличные от сельского хозяйства работы.

10. Гибралтар

Работу охранника Корпорации нельзя было назвать интересной. Обычно она сводилась к обязанности в любую погоду, и в самую жаркую, и в самую холодную, находиться внутри тяжёлого доспеха, ожидая нападения бандитов. Но нападений обычно не случалось. Мало кто желал связываться с непобедимой Корпорацией. Сам Богдан за все свои годы всего три раза действительно попадал в боестолкновения, и каждый раз они заканчивались довольно быстро и бескровно для Корпорации. Это расслабляло. Это заставляло думать, что всё будет хорошо, потому что иначе и быть не может. Богдан понимал, что это иллюзия. Но понимали это и главы Корпорации, которые приказали оснастить все машины и все боевые костюмы огромным количеством следящих и сканирующих устройств.

Богдан часто сравнивал самого себя с танком. Только если раньше экипаж танка состоял и трёх-пяти человек, то теперь каждому можно было выдать по индивидуальному панцирю. Боец Корпорации мог в одиночку разгромить отряд норгов человек в десять, а мог на равных бороться с самым настоящим танком из эпохи Старого мира. Осознание такой мощи дополнительно притупляло чувство опасности. Богдану было известно, что в своё время даже предлагалось лишить охранников столь совершенных боевых костюмов, чтобы они не расслаблялись на дежурстве. Но такое решение всё же не было принято.

Впрочем, расслабленным своё состояние Богдан назвать не мог. Сидеть внутри броневой скорлупы, пусть даже самой совершенной, с поддерживающими искусственными мышцами, с системой кондиционирования было столь же увлекательно, как сидеть в бочке. Периодически возникало желание сбросить с тебя этот проклятый костюм и пройтись по зелёной траве своими настоящими ногами. Снять шлем с кучей фильтров и вдохнуть полной грудью тот воздух, что присущ этому миру. Но правила были строги. Во время дежурства даже не думай снимать доспех или какую-то из его частей.

Богдан ехал, по пояс высунувшись из потолочного люка машины охранения и постоянно глядя по сторонам. Он не чувствовал встречного потока воздуха, но жаркое солнце давало о себе знать даже не смотря на систему охлаждения. Температура внутри доспеха медленно, но верно повышалась. Отвод тепла был давней большой темой индивидуальных боевых костюмов, в первую очередь потому, что нужно было соблюдать термическую маскировку и не оставлять после себя шлейф разогретого воздуха. Нельзя было заранее знать, есть ли у норгов тепловизоры, но Корпорация ставила безопасность превыше всего. Так что, чтобы не перегреваться сильно, охранники высовывались наружу по очереди. Правила требовали проводить периодическое визуальное наблюдение, даже не принимая во внимание ту кучу датчиков и сканеров повсюду.

Караван Корпорации, нагруженный товарами из Дома Лишбоа (в основном, алкогольными напитками), направлялся к Гибралтару, где располагалась одна из немногих открытых для посторонних глаз корпоративная база. Путь каравана пролегал по самому краю Европы. В этих местах не было серьёзных движений народов после того, как рухнули небеса, поэтому города в этих краях в основном неплохо сохранились. Но видеть их служащим Корпорации доводилось лишь издалека. Только сотрудники Департамента археологии посещали руины прошлого мира. Самая же большая древность, которую доводилось видеть другим сотрудникам – это остатки автомобильных дорог. Впрочем, транспорт Корпорации не нуждался в дорогах, да по дорогам перемещаться было и небезопасно – слишком очевидное место для того, чтобы устроить там засаду.

Час за часом, солнце клонилось к закату. Караваны обычно перемещались днём, с наступлением темноты становясь лагерем. Машины охранения быстро трансформировались в огневые точки, окружая кольцом самое ценное – грузы, которые ждали в Домах. Но расстояние

от Дома Лишбоа до Гибралтара было как раз такое, чтобы преодолеть его к наступлению ночи. Богдан никак не мог дожидаться момента, когда же они придут к корпоративной базе, поскольку именно там охранник мог, наконец, сбросить с себя на несколько часов служебные обязанности и просто отдохнуть. Базы сторожили другие.

Последние минуты пути тянулись особенно томительно, но вот на горизонте показались огни базы, выглядевшей подобно форту девятнадцатого века постройки. Богдан никогда прежде не был на этой базе, но он знал, что именно эта база – одна из самых живописных. Здесь было тёплое море, а со смотровых площадок открывался вид на Гибралтарскую скалу и сам полуостров. Полуостров ныне был практически полностью очищен от строений, если не считать некоторого количества охранных пунктов и станцию наблюдения на самой скале. Отсюда пролегал кратчайший морской путь в Африку, поэтому Корпорация обустроила в этом месте один из крупнейших в мире портов.

Охранники Корпорации редко прибегали к благам цивилизации, большую часть жизни проводя в пути и в палаточных лагерях, но базы, подобные этой, позволяли им на короткое время окунуться в круговорот разгульной жизни. Всё было оплачено заранее (за исключением казино и азартных игр) и доступно по корпоративной карте. Однако Богдана сегодня интересовали не казино, не изысканные рестораны и не робобордели с развратными гиноидами – его интересовала возможность забраться на скалу и поговорить оттуда с Луной, глядя на простирающееся перед ним море.

Когда караван расквартировался на базе, Богдан ради приличия посетил с сослуживцами ресторан средиземноморской кухни, выпил пару стаканов пива, после чего покинул шумную компанию, уже готовую отправиться на поиски дальнейших приключений. Конечно, он вёл себя странно. Но все в общем-то знали, что он приёмный из семьи норгов, а потому к его причудам относились как к наследию тяжелого детства. Богдан сам, впрочем, никакого тяжелого детства не помнил. Покуда он жил с родителями, он был ещё слишком мал, а с тех пор, как его передали Корпорации, он не знал нужды и лишений. Тем не менее, ломать выгодный для себя образ в глазах окружающих он не спешил.

Богдан нарушил сразу несколько правил Корпорации, когда покинул базу и, перебравшись через перешеек, принялся взбираться на скалу. Здесь были размещены станции наблюдения, и Богдана вообще-то в любой момент остановить и отправить назад. Богдан был более чем уверен, что его движение заметили, и готовился включить всё своё обаяние, чтобы не быть изгнанным из этих приятных и красивых мест. Но по удивительному стечению обстоятельств, никто не остановил и не окликнул его.

Меж тем ночь вступила в свои права. Богдан забрался на самую макушку Гибралтарской скалы и уселся там прямо на камень. Отсюда открывался прекрасный вид на пляж и на самую сияющую ночными огнями базу. Но самое главное – на сияющую в небе полную Луну, украшающую дорожкой серебристого цвета Средиземное море.

– Ты слышишь меня, Луна? – воззвал Богдан.

– Да, Богдан. Слышу и вижу, – отозвался приятный и такой желанный голос.

– Видишь, в каком я интересном месте? Это Гибралтар, – Богдан махнул рукой в сторону пролива. – А там – Африка. Завтра утром мы грузимся на корабль и отправляемся туда.

– Это будет увлекательное путешествие, Богдан.

– Конечно, иначе не может и быть. Мне лишь жаль, что ты не можешь всего этого увидеть.

– О, поверь мне, Богдан, я вижу достаточно, – Луна негромко, и как показалось Богдану, с грустью, рассмеялась. – Но я могу только видеть. Не чувствовать. Море – как оно пахнет? На что это похоже?

– Море не похоже ни на что, – ответил Богдан, задумавшись. – Я не знаю, как это описать. Говорят, оно пахнет йодом. Йодом и прелыми водорослями. Я не знаю. Я никогда не нюхал

йод. Я его и не видел-то никогда. Но когда ты чувствуешь запах моря, ты понимаешь, что это именно он, и его ни с чем нельзя спутать.

– Что ты чувствуешь, когда слышишь запах моря?

– Спокойствие, должно быть. Умиротворение. Это запах, который обещает хороший отдых, – Богдан поглядел на людей, купающихся в ночном море. – Многие любят купаться. Находят себе пару и идут на пляж. Или купаются в одиночестве. Но море прямо требует того, чтобы ты был не одинок.

– Ты не хотел бы присоединиться к своим друзьям? – осторожно предложила Луна. – Мы можем поговорить в любой другой день.

– Нет, моя дорогая, я хочу провести эту ночь именно с тобой, – Богдан улыбнулся. – Здесь, на берегу легендарного Средиземного моря. Я надеюсь, что когда-нибудь ты будешь здесь во плоти. Я думаю, тебе очень понравится море.

– Богдан, Богдан... Разве тебе недостаточно нашего общения?

– Нет, моя Луна, недостаточно. Я хочу, чтобы ты была рядом.

– Я всегда рядом.

– Я говорю не об этом. Я хочу иметь возможность обнять тебя.

– С этим, боюсь, у нас будут определённые трудности, – Луна нежно засмеялась.

– На то мы и люди, чтобы преодолевать трудности. Чтобы сначала их себе делать, а потом преодолевать. Но за тысячи лет мы прекрасно этому научились, можешь мне поверить.

– Хорошо, Богдан, я верю тебе. Расскажи мне о ветре. Какой он?

– Тёплый. Ты, наверное, никогда не ощущала ветра. Это как лёгкое давление на кожу. Не знаю даже. Ты всегда спрашиваешь о таких простых вещах, что я не могу выразить их словами. Ветер бывает разный, бывает пронизывающий, бывает охлаждающий, а сегодня здесь очень приятный тёплый ветер.

– Нет, я никогда не ощущала ветра, – подтвердила Луна.

– А может, у вас там есть кондиционеры или вентиляторы? Они тоже дуют.

– Дуют, но я думаю, ветер – это что-то другое.

– Да, ты права. Конечно другое. Особенно сегодня. Особенно здесь.

– А ты купался сегодня?

– Нет, не купался. Я решил сначала поговорить с тобой, а потом уже спуститься к морю.

– А я думала, ты расскажешь мне, каково это – купаться.

– Расскажу, обязательно расскажу. Но завтра.

– Завтра ощущения уже забудутся.

– Не забудутся. Я очень хорошо их запомню, обещаю. Ты же знаешь, у меня отличная память.

– Да, Богдан, знаю. Но меня всегда удивляла память ощущений. Это ведь не слова, не образы. Как мы это запоминаем?

– Не знаю, моя Луна. Это тебе надо было бы к психологу обратиться. Но я бы приревновал! – в полушутку предупредил Богдан.

– Я знаю. Но я выбрала именно тебя.

– Я самый счастливый человек на свете, моя Луна!

– Я рада это слышать, – проговорила Луна, и Богдану показалось, что она улыбается.

На следующее утро караван Богдана в полном составе погрузился на большое грузовое судно, и, в сопровождении нескольких сторожевых катеров, отправился в Африку. В этой части Средиземного моря можно было не опасаться пиратов. Корпорация хорошо отслеживала всё водное пространство в радиусе нескольких сотен морских миль, как за счёт станции на Гибралтаре, так и за счёт скрытых стационарных точек наблюдения и беспилотников с иминами. Охранникам корпорации теперь нечего было делать ближайшие два дня, да и вообще был

большой вопрос, надо ли отправлять охранников из одного порта в другой, ведь сухопутный путь им теперь не предстоял. Но Богдан слышал, что на Дом Карфаген периодически нападают норги из глубин Африканского континента, поэтому любые руки, способные держать оружие, были в цене.

«Чем же заниматься, когда нечем заняться?» – задавался вопросом Богдан. Можно было просто выйти на палубу и наслаждаться круизом. Но такого решения хватило бы часа на два, а потом стало бы невыразимо скучно. Вглядываться вдаль, выискивая возможные свидетельства угрозы, тоже было совершенно бессмысленно – вот тут автоматика справилась бы куда быстрее и надёжнее. При путешествии по суше охранники хотя бы всегда были заняты какими-то задачами, пусть на деле и бессмысленными. В море же им делать было совершенно нечего.

Впрочем, в путешествии по морю был тот плюс, что не надо было надевать на себя боевые доспехи. Во время морской битвы от них не было бы никакого толку, а в случае катастрофы доспехи лишь гарантированно утащили бы своих владельцев ко дну. Поэтому сейчас Богдан мог в шортах и безрукавке сидеть на палубе за столиком и удивляться стойкости людей прошлого, кто самостоятельно выбирал морские круизы как способ отдыха. Как можно было назвать отдыхом наискучнейшее времяпрепровождение, Богдан не мог себе представить. Наверное, надо было бы спросить об этом Луну, но и она вряд ли бы внесла ясность в этот вопрос.

Поскольку времени было много, а дел – не было вовсе, Богдан решил подумать о том, как бы ему из Дома Карфаген плавно продолжить путь к Космограду. Самый простой и очевидный способ, который приходил ему в голову – это угнать из Дома самолёт. Тогда можно было бы оказаться в пункте назначения уже через несколько часов. Невзирая на последствия. В этом плане был маленький изъян: не факт, что в Доме вообще был самолёт или иной летательный аппарат.

Второй план заключался в том, чтобы постараться прибиться к судну, следующему из Дома куда-нибудь к берегам Ближнего Востока. Богдан слышал, что карфагеняне возродили свои древние традиции и время от времени устраивают экспедиции по Средиземному морю с неясными целями. А ещё там, на другой стороне моря, находился дружественный Дому Карфаген Дом Сидон, и они часто навевывались друг к другу в гости.

Но вот как раз там-то и начиналось самое весёлое. Богдан много времени провёл в библиотеках и информаториях и знал, что Дом Карфаген был одним из самых самостоятельных Домов. В общем-то, благодаря своему флоту, он прекрасно мог обходиться без торгового посредства Корпорации. Другим Домам, расположенным в глубине континента, с этим было сложнее. Но три Дома: Дом Карфаген, Дом Сидон и Дом Венетия, основали Морской союз, и по договорённости с Корпорацией к ним отошёл контроль над всей акваторией Средиземного моря восточнее Сардинии и Корсики. Впрочем, контроль они осуществляли слабо, куда слабее, чем Корпорация, и это означало, что риск нарваться на пиратов в зоне Морского союза был вполне реальным.

Правда, сейчас Богдан не отказался бы от хорошей драки – всё веселее, чем просто сидеть и бездельничать.

Однако в построениях Богдана было множество слабых мест, и он прекрасно видел это. Например, было совершенно неясно, как же добираться из Дома Сидон до Космограда, а путь там светил неблизкий, и пройти его в одиночку было попросту невозможно. Да и побег из Корпорации он планировал где-то в далёком будущем, но никак не через пару дней. Он попросту был не готов действовать так рано. Ведь цена ошибки была крайне высока. Если Богдан сделает ошибку, если сгинет в пути, то и его Луна пропадёт. И это означало, что действовать нужно наверняка, выверяя каждый ход. Увы, Богдан пока вообще не мог сказать, что его действия приближают его к заветной цели. Цель существовала сама по себе, Богдан – отдельно от неё, и он не видел того вектора, где бы они пересекались. Нужны были какие-то радикальные дей-

ствия для того, чтобы изменить ситуацию, но опять же, тогда он возвращался к вопросу неприемлемого риска...

Впрочем, в голову упорно ничего не приходило, и Богдан решил, что подобные размышления лучше отложить до того момента, как он окажется непосредственно в Доме. Там уже точно можно было бы понять, есть ли поблизости летательные аппараты, и можно ли попасть на корабль. Остаток пути Богдан провёл над картой, прокладывая всевозможные маршруты к своей цели. Область, которую ему предстояло пройти, не изобиловала Домами и в основном была подчинена норгам. С этой неприятностью нужно было что-то делать в случае, если Богдан всё-таки отважится на самостоятельное путешествие. Конечно, лучшим вариантом для него было бы отправиться к Космограду с караваном Корпорации, но опять же, а как попасть в этот караван? Задача выглядела ещё сложнее, чем угнать самолёт у карфагенян.

11. Дом Карфаген

Судно Корпорации прибыло в порт Дома Карфаген рано утром, и сразу же началась высадка. Пусть в этот раз караван прибыл морем, пусть торговля осуществлялась прямо в порту, но правила были правилами: охранники должны были развернуть лагерь перед Домом.

Собственно, это было привычное дело. Богдану наконец-то было чем заняться. Установка шатров и палаток, проверка радарных систем, составление графиков дежурств. Возможно, чуть ли не впервые за всю жизнь все эти меры имели реальный смысл. Налётчики приходили с юга, из пустыни, и непонятно было, как они выживали там. Но они появлялись внезапно, и столь же внезапно уходили назад. Ходили слухи о сложной системе подземных ходов, которые были созданы ещё в эпоху недолгого существования Североафриканской республики. Правившая здесь в те годы военная диктатура проявила все признаки законченной и абсолютно бесполезной перед лицом настоящей опасности паранойи, и она вполне могла осуществить эти титанические проекты. Хотя часть исследователей говорила о том, что здесь строили не катакомбы, а скрытые системы орошения и резервуары с водой, весьма актуальные на фоне резкого изменения климата – такое мнение Богдану тоже встречалось в литературе.

Так или иначе, даже самые совершенные системы наблюдения не спасали Дом Карфаген от постоянных набегов жителей пустыни. Конечно, захватить сам Дом налётчики не могли, но они грабили поля и поселения конрабов, забирали урожай, технику, а иногда и людей. Стоять у Дома Карфаген среди охранников Корпорации считалось делом крайне опасным, но при том и невероятно почётным.

– Тепловой след, – бросил Макс, командир отряда, в котором служил Богдан.

– Что? – переспросил его один из бойцов.

– Кратковременный тепловой след в двухстах километрах к югу. Возник и тут же исчез. Зафиксировали с беспилотника, – пояснил командир. – Готовимся. Богдан, тебе особое предупреждение. Никаких ночных прогулок сегодня.

Богдан пробурчал что-то невнятное в ответ (собственно, ничего внятного он в такой ситуации сказать и не мог) и вернулся к работе. Что ж, возможно, сегодня ночью будет знатная драка.

– Я слышал, местные и сами неплохо дерутся? – прозвучал вопрос где-то за спиной Богдана.

– Да, они тут весьма боевые ребята, и тяжёлую технику имеют, – подтвердил командир. – Но я бы на них не надеялся, им за стенами Дома бояться особо нечего, а вот мы тут как на ладони.

– Могут напасть прямо на нас?

– Здешние норги могут. Если они вообще норги. Слишком хорошо скоординированы.

– Что, думаете, это те самые легендарные «выжившие государства»? – вмешался в разговор Богдан.

– В Африке были не самые передовые государства на момент катастрофы. Они держались в основном на военной силе. И когда наступила эпоха бандитизма, они оказались как рыба в воде. Так что да, вполне допускаю. А что творится в Африке южнее, мы вообще толком не знаем, – ответил командир.

Такие речи нельзя было назвать ободряющими, но с другой стороны, недооценивать противника тоже не следовало. Богдан, собственно, и сам не планировал развивать диалог, но командир пресёк его быстро и однозначно:

– Так, хватит трепаться. Проверьте оружие и ваши доспехи. Сегодня у нас полное боевое дежурство. Спать тоже только в доспехах.

Последнее никого не обрадовало, и утешение тут могло быть только одно – что спать не придётся вовсе. Тем не менее, охрана каравана работала слаженно, лагерь был воздвигнут, и дозорные заняли свои посты даже быстрее положенного срока.

Потянулись долгие часы ожидания чего-то неопределённого, и даже яростная атака противника была бы лучше, чем эти томительные минуты. Сейчас нельзя было заниматься ничем, кроме как ждать. В порту тем временем кипела торговля. Но порт был там, за спиной, а лагерь охранников Корпорации по традиции расположился возле ворот города, обращённых на юго-запад.

Темнело. Аппаратура больше не фиксировала тепловых всплесков, радиосигналов или же чего-то ещё, что могло бы свидетельствовать о наличии людей в ближайших к Дому пределах. Пришла очередь Богдана заступить на дежурство. Ему выделили один из дальних углов лагеря. Весь периметр был освещён достаточно хорошо, и с поста Богдана было прекрасно видно следующего часового, Глеба, кто заступил на дежурство одновременно с ним. Но едва Богдан поднял глаза на Луну в небе, как его сердце защемило. Захотелось по старой привычке отойти подальше от лагеря, снять шлем и рассказать Луне обо всём, что с ним происходило за последние дни. Но Устав был строг, да и командир выразился на этот счёт однозначно.

Уже когда пришла пора смены караула, краем глаза Богдан заметил, что Глеб исчез из поля зрения. Он насторожился, взял оружие наизготовку и сделал пару шагов по направлению к посту сослуживца. Но через минуту Глеб вышел из-за края шатра и кивнул Богдану, что всё в порядке.

В целом первая ночь у Дома Карфаген прошла спокойно, но Богдан всё равно бы сказал, что это был ад. Уже сегодня к вечеру лагерь должен был свернуться и вновь погрузиться на корабль, чтобы отправиться в обратный путь до Гибралтара. Те охранники, кто дежурил ночью, получили право снять доспехи и отдохнуть.

Собственно, Богдан так и собирался сделать, но сделать этого не получилось. Командир, который, похоже, не спал вообще никогда, собрал всех своих бойцов, свободных от дежурства, и объявил:

– Парни, нам пришло неожиданное предложение. Дом Карфаген приглашает нас к себе в гости. Прямо сейчас.

– Что? – раздалось справа от Богдана.

– Да, именно то, что вы услышали. Нас зовут пройти за ворота и посмотреть, как выглядит Дом изнутри. Условие одно – оружие и снаряжение мы должны оставить здесь. Запрещено проносить с собой любые металлические предметы.

– У меня слуховые аппараты, – напомнил Богдан. – Что делать с этим?

– Я думаю, мы сумеем договориться, – ответил Макс. – Случай удивительный, мы с таким ещё не сталкивались.

– Ловушка? – предположил Глеб. Он не походил на человека, всюду ищущего подвох, но вопрос был уместен.

– Не думаю, – отозвался Макс. – Руководством всё согласовано. Приглашение было направлено через них. Говорят, что они очень благодарны нам за то, что мы предотвратили нападение на них и хотят воздать нам почести.

– Они тоже видели тепловой след? – предположил Богдан.

– Судя по всему, да. И если это так, то новости у меня не самые хорошие: налётчики нас точно также просканировали и поняли, кто мы и с чем пожаловали. Это означает только то, что нападения нужно ждать во время нашего отбытия из Карфагена.

– Но не повлияет ли наш визит в Дом на обороноспособность лагеря? – произнесли в задних рядах.

– Нет, не думаю. Днём сам Дом более боеспособен, чем ночью. Если что, нас поддержат. Ладно, бойцы. Желающие?

Богдан огляделся. Четыре человека из пятнадцати подняли руки. Пятым был сам Богдан. Настороженность в отношениях Корпорации и Домов исходила скорее со стороны последних, но волей-неволей, это передавалось и корпоратам. Особенно странно было видеть такое предложение со стороны Дома, который отказался уступить Корпорации право монопольной торговли с внешним миром. С другой стороны, вспомнил Богдан, соглашение о сотрудничестве между Домом Карфаген и Корпорацией сильно отличалось от типового соглашения с другими Домами. Возможно, в нём не было запрета на вход корпоратов в пределы Дома, и со стороны карфагенян приглашение не выглядело чем-то выбивающимся из ряда – этого Богдан не знал. Но случай был столь необычным, что Богдан даже решил пожертвовать сном ради него. Тем более что перед глазами вдруг замаячила возможность узнать, есть ли у них там самолёт, или как попасть на корабль.

– Пятеро, кто готов – сбросить всё лишнее и жду вас здесь через пятнадцать минут! Без опозданий! – скомандовал Макс и удалился первым. Богдан ринулся в свою палатку. Это был его звёздный час! Он схватил свой ранец, начал суетливо шарить по карманам, пока, наконец, не нашёл заветный электронный ключ. Этот ключ он спаял и запрограммировал самолично, используя детали, найденные или выменянные в процессе своих путешествий от Дома к Дому, и знания, полученные в информатории Корпорации. Ключ умел не так много – всего лишь клонировать сигнал любого другого ключа, но в умелых руках это была универсальная отмычка. Богдан не зря спросил о том, пустят ли его со слуховыми аппаратами внутрь дома. Конечно же, любой металлоискатель сразу бы определил, что Богдан несёт с собой что-то металлическое. А так у него появлялся шанс. Хотя риск, безусловно, был, и немалый.

Но о рисках на фоне такого шанса Богдан думать не хотел. Он вышел из палатки, но не успел пройти и пару шагов, как ему встретился Глеб. Он привычно хлопнул Богдана по плечу и заговорил:

– А мне кажется, я знаю, зачем они нас зовут к себе.

– Зачем же? – удивился Богдан.

– Сигарет хотят прикупить, – загадочно ответил Глеб.

– Каких сигарет?

– Самых обычных. Курительных. Вчера возвращаюсь с дежурства, подходит ко мне один из местных. Как вылез, как прошёл сквозь нашу охрану – не знаю. Может, наши решили, что конраб.

– Неплохая история. И как же ты его не пристрелил?

– Ну я вижу – он без оружия, на норга не похож, одет опрятно. Со стороны степи точно никто не подходил, значит, местный.

– Так и что дальше? – Богдан вдруг заметил, что они стоят и никуда не движутся.

– Подходит и говорит – хочу сигарет купить. Ваши, говорят, часто сигареты привозят.

– Не слышал о таком ни разу.

– Вот и я тоже. Но, может, здесь правила посвободнее, или другие караваны контрабанду возят.

– Странная история.

– Да, странная. Короче, если у тебя есть – можешь неплохо навариться здесь, я чую.

– Ладно, пора бежать, – вместо ответа произнёс Богдан и устремился к обозначенной точке сбора. Заработок на сигаретах его не интересовал, да и не было их, сигарет этих. Глеб последовал за ним, и они успели как раз вовремя. Все уже собрались.

– Все здесь? Прекрасно. Заходим! – скомандовал командир. Шестеро охранников Корпорации, без оружия и доспехов, вошли во врата Дома. Богдан ожидал, что столь редкое событие будет обозначено громом небесным или чем-то сопоставимым, но оно прошло на удивление тихо. Зато теперь у него будет по-настоящему потрясающая история, чтобы рассказать Луне!

Их встретили трое влаков в своих вычурных нарядах – пурпурных тогах в пол, богато украшенных и расшитых. Впрочем, окружающее пространство соответствовало. Внутренний периметр площади был обрамлён декоративной колоннадой, а позади влаков располагались три небольших, но красивых, фонтана, и некоторое количество декоративных деревьев.

Корпораты же были одеты по гражданской моде конца двадцать первого века – рубашки-безрукавки и шорты, подходящие для этого жаркого климата, и на этом фоне выглядели как туристы, прибывшие в экзотическую страну. Богдану однажды удалось присутствовать на лекции одного из культурологов Корпорации, и он отмечал, что обитатели Домов склонны к футу-роархаике. Сегодня Богдан мог увидеть это воочию.

Богдан осмотрелся по сторонам. У ворот стояли несколько вооружённых триков, они были одеты в стандартные для домов боевые костюмы, куда более лёгкие и мобильные, чем у корпоратов. И они тоже выглядели здесь неуместными, словно прибывшими из другого мира. Переведя взор на влаков, Богдан увидел, что один из техников, одетый в некоторое подобие рабочей робы, но идеально скроенной и прекрасно сидящей по фигуре, подошёл к своим начальникам и что-то тихо произнёс. Некоторое время они переговаривались, поглядывая на Богдана, но потом влак кивнул, и техник удалился.

– Приветствуем вас, славные воители Корпорации, в нашем великом Доме Карфаген, сквозь века пронёсшем свою славу и возрождённом после Катастрофы! – один из влаков начал речь столь же вычурную, как и его наряд. Богдан лишь усмехнулся про себя: охранники Корпорации не были воителями в том смысле, что никого не завоёвывали, а лишь охраняли.

– Рады присутствовать в столь прекрасном месте, как ваш Дом, – прямо, без лишних слов и цветистости ответил Макс.

– Меня зовут влак Магон. Это мои братья, влак Шоффет и влак Григор.

– Очень рады знакомству. Меня зовут Макс, а это мои сослуживцы – Георг, Глеб, Майкл, Вит и Богдан, – представил всех по очереди командир. Он говорил на синлане довольно медленно, подбирая слова, но сам по себе язык был простой, поэтому Богдан хорошо понимал всё сказанное. Хотя богатой практики лично у Богдана в синлане и не было.

– Прошу, проследуйте за мной, мы покажем вам наш Дом, а потом устроим обед в вашу честь.

– Влак Магон, могу я спросить, чем обусловлен такой пышный приём? – поинтересовался Макс. – Мы простые сотрудники Корпорации, даже не менеджмент.

– Наш Дом по праву носит звание самого воинственного из Домов, нам постоянно приходится сражаться за своё существование, отбиваясь от полчищ хорошо вооружённых налётчиков. Поэтому мы знаем, что такое ратный труд, и в вашем лице чествуем всех тех, кто защищает Дома, когда их ворота по старому обычаю открыты, – ответил влак. Такой ответ устроил всех. Больше вопросов не было, и влаки повели гостей в сторону доминиона.

– На этой площади мы собираемся, когда нам есть что обсудить всем вместе, или же когда мы встречаем гостей, – поведал влак Шоффет. – Но вся жизнь Дома проходит в основном внутри доминиона и на его террасах, которые вы можете увидеть выше.

Богдан пока не особо приглядывался к тому, что их окружало, предпочитая искать наметанным глазом признаки опасности, но сейчас он расслабился и поднял взгляд на доминион. Действительно, ступенчатая конструкция, напоминающая пирамиду, вся была в зелени. Судя по всему, Дом Карфаген был весьма велик, больше множества других Домов. Внешняя стена Дома тоже была обитаема и изобиловала балконами, на некоторых из них сейчас стояли влаки и дваки, наблюдая за процессией.

Богдан пытался понять, может ли такой Дом вместить площадку для летательных аппаратов и могут ли у него быть самолёты. Взлётно-посадочная полоса никак не укладывалась в пределы дома, да и за пределами его Богдан ничего подобного не увидел, однако ж у многих Домов были конвертопланы, умеющие взлетать вертикального.

Вход в доминион представлял собой лёгкую конструкцию из металлических прутьев, причудливо загнутых полукругом. На прутьях расположились цветастые выющиеся растения. Богдан ничего не соображал в садоводстве, но это было красиво. К тому же, такая конструкция давала приятную тень.

– Проходите, – пригласил влак Магон и отошёл в сторону, уступая дорогу гостям. Корпораты вошли внутрь доминиона, и словно оказались на ещё одной площадке. Здесь точно так же, как и снаружи, располагались фонтаны, обрамлённые пышными клумбами, а в изящных горшках на тонких кованых ножках цвели цветы. На фоне привычного делового аскетизма корпоративных офисов и апартаментов это выглядело даже вызывающе.

– Это Большой зал. Обычно мы проводим здесь свободное время или же рабочие собрания, – произнёс влак Шоффет. – Здесь не так жарко, как снаружи, но не менее красиво. По сторонам вы можете увидеть несколько входов в помещения доминиона. Обратите внимание на стоящие справа и слева от вас ротонды – это лифты, ведущие вниз. Далее с нижнего этажа можно подняться на более высокие, минуя Большой зал.

– А кто и где живёт и работает? – спросил Макс, и, хотя он не уточнил свой вопрос, влаки отлично поняли его.

– На самых верхних этажах живут влаки, – рассказал влак Магон. – Эти этажи самые малые по площади, но влаков и не так много. На средних этажах живут дваки, которые занимаются техническими системами Дома. Трики живут на нижних этажах, поскольку они должны иметь возможность быстро вступить в бой с любыми налётчиками. Основной блок технических систем располагается внизу, под доминионом. Это и силовые машины, и вычислительные центры. Также внизу традиционно располагаются библиотеки. Вверх тянутся только линии коммуникаций. Во внешней стене располагаются ангары для техники и склады.

– Посмотрите вверх, пожалуйста, – призвал влак Шоффет. Корпораты подняли головы, и увидели высоко под потолком огромный стеклянный шар.

– Что это, как вы думаете? – спросил влак Шоффет.

– Часы? – предположил Вит.

– Нет, не часы. Ещё предположения?

– Проектор? – почему-то сказал Богдан.

– И не проектор, хоть и близко. Ответ банален, на самом деле. Это наше внутреннее солнце. По составу спектра излучения оно практически идентично настоящему Солнцу.

– Вы сами это сделали? – задал вопрос Макс.

– Да, это солнце сделали наши дваки, – подтвердил влак Шоффет. – В ходе одной из экспедиций мы нашли большое хранилище документации по строительству станций долговременного пребывания на других планетах, и перестроили наш доминион по тем чертежам, которые нашли. Доминион полностью автономен и способен в закрытом состоянии в случае необходимости поддерживать жизнь всех его обитателей в течение года.

У Богдана заколотилось сердце. Карфагеняне знаю что-то про космос! Возможно, они нашли и космодром. Набравшись смелости (а смелость тут была только в том, чтобы не выдать свой интерес раньше времени), Богдан спросил:

– А может быть, вы видели и старые космодромы?

– Видели, – подтвердил влак Магон. Сердце Богдана забило ещё сильнее. Он хотел было задать и следующий вопрос, но Макс прервал его:

– Богдан, мы сейчас на экскурсии. Давай дождёмся более свободного времени, и тогда ты сможешь задать всем свои вопросы.

Макс, разумеется, знал, что тема космодромов несказанно заботит Богдана. Он видел и ту самую карту с заветными точками. Но полагал, что его сослуживцем движет исключительно научный интерес – ещё одна причуда и без того странного потомка норгов.

Влаки пошли дальше, увлекая гостей за собой. Они что-то рассказывали корпоратам, останавливались возле того или иного фонтана, двери, клумбы, потом зашли внутрь, начали ходить по основным помещениям. Но Богдан ничего не слышал. В ушах шумело. Одна-единственная мысль завладела им: надо во чтобы то ни стало выяснить, что и где нашли карфагеняне. Определённо, они не могли отправить экспедицию слишком далеко, значит, космодром они нашли где-то поблизости, скорее всего, на территории бывшей Североафриканской республики. Правившие здесь полковники были достаточно богаты для того, чтобы купить себе кучу космических технологий и целый космодром. Вот смогли бы они его эксплуатировать, в этом Богдан сомневался, но то, что купить они его могли – вполне.

Богдан решил, что во время обеда наведёт необходимые справки, а потом попробует отлучиться и воспользоваться своим универсальным ключом. Теперь оставалось лишь дожидаться окончания этой безмерно затянувшейся экскурсии.

12. Предел Африки, ч.1

Богдан во все глаза глядел, кто и как открывает двери внутри доминиона. Как таковых карточек допуска у влаков не было: с этой целью они использовали перстни, надетые на правую руку. Ничего сложного в том, чтобы вложить в перстень радиометку, не было, и Богдан даже немного удивился такой простоте и изяществу решения. Однако ж сам влак Магон, кто, очевидно, обладал самыми широкими правами доступа в Доме, ни одну дверь сам так и не открыл. За него это делали то влак Шоффет, то влак Григор.

Вот только клонировать метку перстня было бы весьма непросто. Схватить влака за руку и ткнуть в неё универсальным ключом? Будет слишком заметно. Добиться того, чтобы влак сам прикоснулся к ключу? Вот это было бы уже лучше, но только неизвестно, как бы хозяева отреагировали на незнакомое электронное устройство (которого у Богдана, вообще-то, не должно быть с собой).

Наконец, долгая экскурсия завершилась в обеденном зале. Здесь было несколько столов, прямоугольных и круглых, но в центре зала сейчас стоял именно круглый стол, а все прочие были отодвинуты к стенам. Круглый стол, пожалуй, был более предпочтителен с точки зрения Богдана в его затее. Девять человек принялись усаживаться за столом в порядке влак-два корпората, и это тоже было достаточно удобно, поскольку в такой ситуации Богдан обязательно оказывался рядом с кем-то из влаков. Впрочем, ему надо было оказаться именно справа от кого-то из хозяев, чтобы иметь доступ к перстню. Справа от влака Магона сел Макс, поэтому доступ к самому главному был закрыт для Богдана, но он в итоге мягко, но настойчиво, оттолкнул Майкла и уселся рядом с влаком Григором.

Влак этот выглядел довольно странно на фоне своих братьев. Его кожа была светлее, и Богдан успел заметить, что он говорил с некоторым едва заметным, но всё же акцентом – скорее в интонациях, чем в звуках. Богдан заподозрил бы в нём гостя, но гости не входят в делегации, встречающие других гостей. Кроме того, имя этого влака больше подходило для европейских домов. Таким образом, по всему выходило, что влак Григор не местный. Это наблюдение было хорошим поводом, чтобы завязать беседу.

Усаживаясь рядом с влаком Григором, Богдан сдержанно поздоровался. Григор протянул ему руку, и в этот миг Богдан, не сводя взгляда с заветного перстня-ключа, пожалел, что сам не создал чего-то похожего для того, чтобы снять радиометку. Цель была так близка – но устройство лежало у Богдана в кармане.

Принесли напитки: что-то газированное, лёгкое, кремowego цвета. Богдан отпил, отметил, что алкоголя нет, но глоток помог освежить пересохшее от волнения горло, и Богдан заговорил:

– Влак Григор, не сочтите за наглость подобный вопрос, но вы ведь не местный?

Влак улыбнулся.

– Вы весьма наблюдательны. Действительно, я из Дома Волгоград.

– Волгоград? А это же где-то недалеко от казахских степей? – Богдан опять испытал то странное чувство, когда заветная цель оказывается так близко, и сердце начинает бешено колотиться. Что-то надо было делать с такими состояниями, но Богдан не знал, как с этим бороться.

– Скорее, казахских пустынь, – ответил влак. – Ну да, можно сказать, что за Волгой они и начинаются.

Богдан не смог сдержаться и кивнул во внутреннем диалоге. Удача! Вот если бы сейчас договориться с этим влаком, чтобы попасть в Дом Волгоград, а оттуда уже и до Космограда рукой подать! Но надо было держать себя в руках. Кроме того, космодром мог быть и где-то поблизости, и об этом Богдан тоже не забывал.

– Так как же вы оказались здесь, так далеко от родного Дома? – продолжил беседу Богдан.

– Прибыл по обмену. Есть такая достаточно редкая, но интересная практика.

– Но не похоже, чтобы вы здесь были на положении гостя, – отметил Богдан. Он понимал, что ходит по тонкому льду, но сдержаться не мог. Врождённое любопытство не давало ему покоя.

– Да, это вечный обмен. Я покинул Дом Волгоград навсегда.

Богдан ощутил укол разочарования. Выходит, добраться до Дома Волгоград с помощью этого влака невозможно.

– А почему же? – всё же задал вопрос Богдан.

– Видите ли, в Доме Волгоград я проявил определённые склонности к военному делу, и Совет Дома счёл, что именно здесь, в Африке, я смогу наиболее полно раскрыть свои способности и устремления.

– Влак-боец, как интересно, – про себя, но всё же вслух произнёс Богдан. Влак Григор, разумеется, это услышал.

– Да, именно такие здесь и живут, – с улыбкой ответил влак. – Бойцы, торговцы и мореплаватели.

– Не скучаете по родному Дому? – вопрос был наглый. В принципе, на этом диалог мог и завершиться. Но влак Григор всё же ответил, словно куда-то в сторону:

– Нет, – повисла некоторая пауза, после которой влак продолжил, уже более бодрым тоном. – Здесь гораздо больше возможностей для того, чтобы проявить себя. Здесь много интереснее.

– Это хорошо, когда мы оказываемся в тех условиях, которые нам больше подходят, – отозвался Богдан. – У меня тоже есть необычная история, хотите послушать?

– Разумеется, люблю истории, – согласился влак.

Тем временем принесли первые блюда – какой-то суп с изобилием морепродуктов, и беседа пошла медленнее. Тем не менее, Богдан честно принялся рассказывать о своём детстве, время от времени прерываясь на еду:

– Я родился в общине норгов, где-то на берегу Днепра. Родился глухим. У нашей общины не было никакой продвинутой медицины, и мне грозила смерть. Но мои родители, которых я никогда не знал, вынесли меня к каравану Корпорации и отдали охранникам, – Богдан вздохнул. Ему всегда тяжело давался этот рассказ.

– Я слышал о том, что норги иногда отдают детей в Корпорации или конрабам, но никогда не сталкивался с таким. Продолжайте, это очень интересно.

– Меня вылечили. Ну как – вылечили, установили специальные слуховые аппараты. И как видите, вырастили. С тех пор вся моя жизнь связана с Корпорацией.

– Почему же вы решили пойти в охранники? Или вас направили?

– В некотором роде это благодарность охранникам Корпорации за то, что они разобрались в ситуации, не прогнали и не убили моих родителей и приняли меня. Я надеюсь, что однажды смогу отдать свой долг этому миру, тоже приютив какого-нибудь ребёнка.

– Благородная цель, – кивнув, согласился влак. И тут в голову Богдана пришла мысль, как можно заполучить заветную метку ключа. Заметно (как ему казалось) нервничая, он сунул руку в карман, где лежала его универсальная карточка, включил её, после чего предложил:

– Не хотите взглянуть на устройство, благодаря которому я могу слышать?

– Ну я так понял, что речь идёт про внутренние слуховые аппараты, – приглядываясь к голове Богдана, проговорил влак. – Я не вижу на вас никаких внешних устройств.

– Всё так, но есть и дополнительный внешний модуль для координации работы и настройки внутренних аппаратов, – соврал Богдан. – Вот он, можете взять, посмотреть.

Богдан вынул свой универсальный ключ из кармана, и, на уровне ниже столешницы, чтобы никто не увидел, протянул его влаку. Влак, не успев опомниться, схватил устройство,

и этого было достаточно – лампочка на ключе из синей стала зелёной, и это означало, что метка ключа влака Григора скопирована!

– А я здесь ничего не сломаю? – настороженно спросил он.

– Нет, нет, ничего, – с улыбкой поспешил успокоить его Богдан. А повод улыбаться был, и ещё какой! – Если вы опасаетесь, позвольте, я уберу модуль назад.

Влак, конечно же, не возражал, и ключ с клонированной радиометкой оказался в кармане Богдана. Он был доволен. Теперь надо было придумать, как бы покинуть застолье.

Предлог нашёлся сам собой, когда выпитый ранее напиток напомнил о себе.

– Так, а где у вас тут туалет?

– Вам нужно выйти вон в ту дверь за пределами зала, и справа будет туалет. Проводить? – предложил влак.

– Нет, спасибо, я уверен, что справлюсь, – с этими словами Богдан встал из-за стола и направился к двери. Оказавшись за пределами зала, он действительно сначала зашёл в туалет. А вот когда вышел из него, испытал некоторое замешательство: куда дальше? По счастью, здесь не было никаких охранников, кто мог бы воспрепятствовать намерениям Богдана. Но он понимал, что если дальше пойдёт в такой одежде, в какую он одет сейчас, то уйдёт очень недалеко.

Но делать было нечего – только надеяться на удачу. Богдан запомнил, что различные технические помещения располагались на первом и подземных этажах. Сейчас ему была нужна одежда, а следовательно, надо было найти склад либо прачечную. Конечно, сама по себе задача добраться туда была очень непростой. Но Богдан собрал волю в кулак (он уже слишком далеко зашёл, чтобы отступать) и направил по коридору назад, тем же путём, каким они пришли сюда с влаками.

Пока на пути попадались только незапертые двери. Пару раз он встретил идущих по коридорам дваков, они глядели на него с удивлением, но признаков обеспокоенности не проявляли и остановить его не пытались. Богдан же, в свою очередь, постарался принять наиболее безмятежный вид, какой только мог, и уверенно продолжил движение. Впрочем, уверенность касалась только самого движения, а не его направленности. Спустившись на первый этаж, Богдан оказался на распутье. Выйти на площадь, где будет множество обитателей дома? Или же продолжить путь по коридорам, где их сейчас куда меньше? Но пока он шёл по коридору к выходу, он выглядел уместно, а как только заберётся в какие-то специализированные помещения, так сразу привлечёт к себе много ненужного внимания.

Но это если только он заберётся в специализированные помещения. А если продолжит путь по открытым дверям? Богдан выбрал одну из боковых дверей и вошёл в неё. Это был ещё один коридор, и, судя по всему, он вводил к каким-то помещениям внутри стены, окружающей Дом. Сложность вызывал тот факт, что никаких опознавательных знаков или указателей в коридоре не было. Он мог с равным успехом вывести и к казарме триков, и к ангару с техникой. В какой-то момент Богдану показалось, что будет проще спросить у местных прямо, куда нужно идти. Но он лишь усмехнулся такой идее.

Богдан продолжил движение прямо, с каждым шагом теряя уверенность в том, что его план увенчается успехом. А когда за спиной хлопнула дверь и раздался окрик «Эй! А ты что здесь делаешь?» на Богдана словно вылили ушат холодной воды.

«Похоже, я пришёл», – подумал Богдан и медленно развернулся. Посреди коридора стоял двак, судя по одежде – механик. Он упёр руки в бока и сурово смотрел на корпората.

– Ты заблудился, что ли?

– Я... – начал было Богдан, но горло пересохло, да он и не знал, что ответить.

– Ну?

– Я... – снова начал Богдан, и внезапно ему в голову пришла идея, которая в тот момент показалась весьма неплохой. Он сглотнул и продолжил. – Ищу клиента. Один из ваших просил сигарет вчера вечером.

– Ты принёс сигареты?

– Нет, – честно ответил Богдан. И тут же соврал. – Я не знал, будут ли нас обыскивать при входе. Сигареты в лагере, но я могу их передать в условленном месте.

– Ну вы даёте, корпораты, – двака покачал головой. – Я знаю, кто заказал тебе сигареты. Пошли, ты почти дошёл.

Богдан шумно выдохнул и отправился вслед за дваком. Конечно, это могло быть и ловушкой – механик запросто мог завести его к трикам, и с ними уже разговор проходил бы совсем по-другому. Но двака честно вывел его в ангар, где стояла сельхозтехника и трудились несколько его коллег-механиков.

– Стой здесь, – бросил двака и направился куда-то вглубь ангара, где скрылся за одной из машин. Богдан же принялся оглядываться вокруг, но ничего интересного не увидел. Ангар как ангар. Трактора как трактора. Дваки-механики даже не обращали внимания на корпората, стоящего у входа. Возможно, тот факт, что корпорат пришёл с одним из них, снял все вопросы.

Новый знакомый Богдана вскоре появился вместе со своим товарищем, который сразу перешёл к делу:

– Есть товар, говоришь? Сколько?

– Десять штук, – выпалил Богдан.

Дваки переглянулись.

– Маловато, – произнёс второй.

– Ну сколько есть, – ответил Богдан.

– Ладно. Цена?

– Костюм двака размером по мне, – выпалил Богдан, и ему показалось, что сейчас язык сработал быстрее, чем мозг сообразил, что происходит. – Прямо сейчас. Товар вечером.

– Дёшево что-то.

– Коллекция, – облизнув губы, объяснил Богдан. – Стараюсь взять по костюму из каждого дома.

– Ну, кто-то курит, а кому-то нравится нашу одежду носить. Мало ли на свете извращенцев, а? – толкнув кулаком в плечо собрата, с издёвкой в голосе проговорил первый двака.

– Так что, сделка? – уточнил Богдан.

– Ладно. Где тебя вечером найти? – спросил второй двака.

– Вечером мы будем сворачиваться, время как раз подходящее, чтобы в этой суете передать товар. Я буду у палаток справа от ворот. Если меня не найдёшь, спроси Глеба.

– Хорошо. Погоди пока здесь, – дваки удалились, оставив Богдан один на один с его совестью. Как же ловко и быстро он подставил товарища. Но сейчас это было совсем не важно.

Время тянулось, дваки не возвращались. Богдана подмывало пройтись по ангару и хорошенько его посмотреть, но он не рискнул этого сделать, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания. Вместо этого он уселся на скамейку в тёмном углу, откуда хорошо просматривалось всё помещение. Своих «покупателей» он бы не упустил.

Когда Богдан уже начал беспокоиться, дваки вернулись. Покупатель протянул ему рюкзак с одеждой, Богдан бегло убедился, что это действительно роба двака Дома Карфаген, ещё раз напомнил, где его найти, и покинул ангар. После чего ринулся к следующей двери, оказался в очередном коридоре, и, удостоверившись, что его никто не видит, принялся переодеваться.

Костюм был немного великоват Богдану, и сначала он расстроился от этого факта, ведь плохо сидящая одежда могла выдать его. Потом обнаружил, что на левой манжете расположен пульт управления. Нажал на сенсорную кнопку, и костюм моментально ужался по его фигуре. Богдан испытал поистине детский восторг – он слышал о том, что у Домов есть технология модифицируемой ткани, но никогда не видел её воочию. Так, говорили, что боевые костюмы «Тактик» способны менять свою теплоотдачу, и этой их способности Богдан всегда завидовал. Он удивлялся тому, что Корпорация не обладает подобными технологиями, но ответом

на это было обращение к соглашению о Технологическом разделении между Домами и Корпорацией. Среди ключевого, Дома уступали Корпорации право работать с атомными технологиями, а Корпорация не претендовала на технологии модифицируемых тканей. Это выглядело как неравноценный обмен, но Богдан бы скорее сказал, что такие чудесные ткани важнее.

Переодевшись и убрав свою одежду в рюкзак, Богдан начал чувствовать себя увереннее. Теперь он мог свободно перемещаться по коридорам, главное было не болтать лишнего, потому что по выговору его бы быстро раскрыли. Решив не терять ни минуты даром, Богдан нашёл первую же запертую дверь и попытался открыть её своим универсальным ключом. Сработало. Богдан оказался в комнате с двумя лифтами. Это было похоже на то, что ему действительно нужно.

Богдан выбрал самый нижний этаж из доступных. Ему был нужен вычислительный центр, и он, скорее всего, располагался там. Лифт поехал. Выйдя из лифта, Богдан оказался в очередном коридоре. Было очевидно, что планировки этажей не совпадают. Богдан вновь пошёл, куда глядят глаза. По пути попадались закрытые двери, и он сперва не решался их открыть, ведь за ними могли быть кабинеты. Потом он догадался сначала подходить, прислушиваться, и лишь затем открывать дверь.

Большая часть помещений была пуста. В некоторых из них обнаруживались склады хлама, заботливо расположенного на стеллажах и полочках. Подобные находки говорили Богдану о том, что он, скорее всего, забрёл куда-то не туда. Богдан открыл ещё пару дверей, прежде чем, наконец, признался себе: он близок к тому, чтобы заблудиться. Он вполне мог зайти так далеко, что потом бы и не вспомнил дорогу назад.

Нужно было найти хоть что-то, что поможет в навигации – пусть не вперёд, так назад. Богдан решил вернуться в одно из складских помещений и хорошенько осмотреть его. Там могло быть что-то полезное.

К счастью, во всех помещениях горел свет. Богдан принялся за дело, не церемонясь с содержимым полок, вытаскивая и вываливая оттуда всё. Было совершенно непонятно, с какой целью здесь сложили всё это, но Богдан нашёл большое изобилие инфорков, тетради, блокноты, банки, карандаши, лампочки, батарейки, даже обувь и посуду. Возможно, такой склад служил промежуточной точкой перед утилизацией всякого хлама, но зачем было размещать его так глубоко?

Первым делом Богдан выбрал себе блокнот, в котором оставалось ещё довольно много чистых листов, а также пару карандашей на случай, если один из них сломается. Беглый просмотр блокнота не позволил найти что-то интересное. Он бы исписан какими-то заметками, которые без понимания контекста оказывались совершенно бессмысленными. Потом Богдан принялся пытаться включить хотя бы один инфорк, но их батареи были разряжены. Зато ему удалось собрать из имевшихся здесь батарей и лампочек фонарик, соединив всю конструкцию изолентой. Как долго проработают батареи в случае необходимости, Богдан не знал, поэтому просто прихватил с собой запасных.

Один из инфорков всё-таки соизволили включиться. Богдан посмотрел на загрузочный экран, а после этого упёрся в экран блокировки. Конечно же, инфорки работали только со своими хозяевами. Вздыхнув, Богдан выключил инфорк, но положил его на всякий случай в рюкзак.

Под конец своего исследования Богдан обнаружил в коробке со всякой всячиной настоящий аналоговый компас. Это было большой удачей, потому что теперь он мог заняться полноценной навигацией. Последним подарком комнаты стал складной нож.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.